

ОЛЪГА ЛУКАС

СПИ
КО МНЕ

Ольга Лукас

Спи ко мне

«Автор»

2014

Лукас О.

Спи ко мне / О. Лукас — «Автор», 2014

Наташа Ермолаева, сотрудник московского рекламного агентства, заполняет пустоту в жизни работой, работой и ещё раз работой. Но однажды она встречается мужчину, с которым можно разделить одиночество. Вот только этот мужчина, как и весь его прекрасный, сказочный мир, снится Наташе. А она снится ему. Как пробиться друг к другу через это двойное зеркало? Чем можно пожертвовать ради того, чтобы быть вместе? Стоит ли продолжать отношения, ради которых не хочется жертвовать даже привычкой к одиночеству? Кому нужно срочно проснуться и вернуться в реальный мир? И нужно ли?

© Лукас О., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава первая. «Такси Вперёд!»	5
Глава вторая. Синие листья и зелёные волосы	11
Глава третья. Пстри-бздри!	16
Глава четвёртая. Агентство «Прямой и Весёлый»	20
Глава пятая. Гоголь откусил голову голубю	24
Глава шестая. Воин духа на деловых переговорах	28
Глава седьмая. Рыба зажигает огонь	32
Глава восьмая. Наташа и её команда	37
Глава девятая. Гора по имени Оруэлл	42
Глава десятая. Пять правил Натальи Ермолаевой	46
Глава одиннадцатая. Мир изменился за ночь	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ольга Лукас

Спи ко мне

Глава первая. «Такси Вперёд!»

В жизни современного человека слишком много бумаг и бумажек, квитанций и ордеров, документов и договоров, украшенных подписями, декорированных печатями, приправленных примечаниями на отдельных листах. Каждое наше действие должно иметь подтверждение в виде документа – иначе не считается.

Казалось бы, чего проще – доехать на такси из пункта «А» в пункт «Б». Для этого только и нужно – наметить маршрут и заранее договориться об оплате. Раньше, кажется, так всё и было. Но в последние месяцы «Такси Вперёд!» резко повысило качество обслуживания. Так резко, что Наташа подумывает о том, чтобы поискать для себя что-нибудь попроще.

– Какую музыку предпочитаете слушать в пути? – поинтересовался водитель. – Имеется, значит, богатый выбор. Стоит это дело дополнительных пятьдесят рублей. За джаз – шестьдесят. За шансон – тридцать. Вот квитанция на музыкальное сопровождение. Вам надо заполнить её печатными буквами.

– Давайте в тишине посидим, у меня серьёзные переговоры, – ответила Наташа.

– Вы, может, курите? Тогда это плюс тридцать рублей.

– Не курю.

– Есть уникальная возможность поставить на окна светоотражатели, тогда вас никто не увидит. По цене... не помню. Надо посмотреть, по какой цене, это новая услуга, – водитель зашелестел бумагами.

– Не нужно, спасибо. Не отвлекайтесь, пожалуйста, от дороги.

– Если, например, груз помочь отнести – то смотря какой груз. Сто рублей базовая цена за десять килограммов. Ну и в зависимости от этажности. Вписываем всё аккуратненько в форму №348, где-то она в бардачке была...

– У меня нет груза.

– Побибикать – двести рублей, – искушал этот демон. – Заполняем квитанцию – и бибируем на здоровье! А? Би-бип, би-бип, е! Прямо как в песне у «Битлз». Любите «Битлз»? Может, поставим всё же музыку?

– Бибикать не надо. Про музыку вы уже спрашивали.

– Для улучшения качества обслуживания в салоне ведётся видеонаблюдение. Отключить камеру – пятьсот рублей.

– А если мне надо, например, на Марс слетать, то какая будет надбавка? – поинтересовалась Наташа.

– Надо послать запрос в центр управления. Справка – двадцать рублей. Посылаем?

– Нет. Я пошутила.

Несколько минут ехали молча. Мимо проносились бульвары, бутики, иномарки, памятники, театры, рестораны. Выехали на Тверскую. Влились в поток недовольно гудящих, расклевшихся от ожидания автомобилей. Остановились.

Наташа закрыла глаза. Как и большинство москвичей, живущих под девизом «Бессонница и недосып», она ловила каждое мгновение, пригодное для сна. Опустились веки, бесшумно разъехались декорации: нет больше Тверской, нет гудения клаксонов, нет ещё не забывшего про злющий августовский зной тёплого, с нотками вечерней духоты, сентябрьского дня. Это ей приснилось, а на самом деле она сидит на тёплой земле, прислонившись спиной к высокоценному дереву незнакомой породы. Где-то неподалёку шумят волны. Всё так достоверно: и

прикосновение ветра к волосам, и запах водорослей, и шершавый тёплый ствол за спиной, и крик неизвестной морской птицы, кажется, чайки. Рядом с Наташей сидит кто-то очень знакомый. Где она видела это лицо? Может быть, на фотографии в бабушкином альбоме или в старом черно-белом кино? Сейчас она повернётся к знакомому незнакомцу и весело спросит: «А вы, кстати, кто?» А он ответит...

– Если хотите поспать, то на заднем сиденье можно организовать подушку и одеяло, – рявкнул над ухом водитель. – Имеется в багажнике. К ним индивидуальный комплект постельного белья, запаянный. Также в наличии специальная расслабляющая музыка. Могу даже немного побрызгать лавандой.

– Не надо в меня лавандой брызгать, – отмахнулась Наташа и выглянула в окно.

– Окно открыть – плюс тридцать рублей! Вот квитанция.

За окном, в бензиновом мареве, не двигаясь с места, покачивалась улица. Там и сям мелькали торговки цветами, мойщики машин, попрошайки, продавцы газет. Они свободно перемещались по проезжей части от автомобиля к автомобилю.

– Нет, так не пойдёт. Там пробка до «Динамо», если не дальше. Надо объезжать! – командовала Наташа.

– Не положено.

– Надбавка за объезд есть? Подумайте. Позвоните в центр управления, а я пока квитанцию заполню. Если тут дворами...

– Девушка, ну стал бы я вам врать? – обиженно пробасил водитель. – Я же говорю – не положено. Маршрут намечен в головном офисе, я не имею права от него отклоняться.

– Тогда высадите меня здесь, я пешком быстрее добегу!

– Я должен послать запрос.

– Посылайте!

Таксист недовольно пожевал губами, достал телефон из кармана жилетки, поколдовал над ним, отправил сообщение и спрятал трубку.

У Наташи в сумочке завибрировал айфон.

«Вас приветствует центр управления “Такси Вперёд!” Вы хотите прервать поездку. Отправьте ответ на короткий номер 00001 – если ваш ответ “да”, или на 00000, если ваш ответ “нет”».

Наташа отправила на номер «да» длинный и развёрнутый ответ.

Через мгновение пришло новое сообщение: «Укажите причину отказа продолжить поездку. Если у вас изменился маршрут, отправьте СМС на короткий номер 00002. Если вас не устраивает качество обслуживания – на короткий номер 00003. На 00004 – если что-то иное».

Время шло. Обстановка накалялась. Наташа отправила ответ «что-то иное» на номер «что-то иное».

Следующее сообщение получил уже водитель. Снова пожевал губами, снова достал трубку, поскрёб ногтем экран и кисло сказал:

– Спасибо, что воспользовались услугами «Такси Вперёд!» С вас пятьсот рублей. Карточкой будете платить или наличными?

Наташа не успела ответить, потому что ей пришло уведомление: «Спасибо, что воспользовались услугами “Такси Вперёд!” Напоминаем, что вы прервали поездку по собственному желанию».

– Я знаю! – крикнула она, с ненавистью взглянув на экран, и, повернувшись к водителю, резко добавила:

– Наличными. В следующий раз поеду на частнике!

Она расплатилась и выпрыгнула на тротуар. Водитель выскочил следом.

– Езжай-езжай, дылда! – крикнул он. – Езжай на частнике! Он тебя в горы завезёт!

– На вас укоризненно смотрит камера наружного наблюдения. Центр управления не одобрит такого обращения с постоянным клиентом, – мстительно сказала Наташа, шагнула на проезжую часть и, огибая застывшие в томительном ожидании автомобили, перешла на противоположную сторону улицы. Помахала рукой таксисту, оставшемуся на другом берегу. Ещё раз огляделась и свернула в Мамоновский переулок. Заокали по сухому асфальту её каблучки.

«На чайнике буду ездить! На заварочном! Или нет, на электрическом. Д-р-р! П-ш-ш!!!» – накручивала она себя. Но закипеть и выкипеть ей не удалось – помешал звонок телефона. Обычная трель – значит, номер незнакомый.

– Ермолаева, – ответила Наташа. Вместо приветствия она всегда называла посторонним свою фамилию.

– Здравствуйте, – лучезарным голосом пропела трубка, – вас приветствует служба улучшения качества обслуживания «Такси Вперёд!» Назовите, пожалуйста, причину, по которой вы отказались продолжить поездку.

– Пробки! Эта причина – пробки!

– У вас нет претензий к автомобилю или водителю?

– Нет!

– Вам были предложены дополнительные услуги?

– Да!

– Вы воспользовались ими?

– Нет!

– Назовите, пожалуйста, причину. Их качество показалось вам недостаточно высоким? Вас не устроила цена? Или что-то иное?

– Что-то иное. Мне они просто не нужны!

– Вы будете продолжать пользоваться услугами нашей компании?

– Да!

– Вы хотите что-то добавить?

– Хочу! Не надо каждый мой шаг контролировать.

– Простите?

– Не надо мне слать СМС по поводу и без!

– Вы можете поменять базовые настройки на нашем сайте. Или же я могу соединить вас с оператором.

– Не надо соединять! Я на сайте... Сама...

– Индивидуальные пароль и логин будут вам высланы.

– О-о-о! – только и смогла ответить Наташа. Трубка сыто заурчала, давая понять, что индивидуальные пароль и логин уже прибыли.

Наташа спрятала айфон в сумочку и огляделась. За время разговора с центром управления «Такси Вперёд!» она слегка отклонилась от курса. Кажется, зря она доверилась своему автопилоту. Откуда здесь шлагбаум? Что это за двор? Вроде незнакомый, но тот, следующий, она наверняка вспомнит.

Когда-то в этих дворах они, свежезачисленные студенты, пили пиво. Где-то рядом был дом просветлённого. Где же этот дом? Там жил то ли йог, то ли маг. То ли так. К нему ходили то ли гадать, то ли изучать Камасутру. Наташа не ходила, но ждала подружек на скамейке под окнами у просветлённого. Вот тут, точно. Здесь она и сидела, здесь и выговаривала им, доверчивым. Как раз на этом месте, где сейчас стройка идёт. Какая-то непредвиденная стройка, не должно её здесь быть.

Наташа свернула налево, чтобы обогнуть заборы. Подружки-подружки... Зачем она вспомнила о них – сейчас, в рабочее время, опаздывая на важную встречу? И непонятно ещё, даст ли арт-менеджер клуба разрешение на этот концерт. Подумаешь, звезду выписали из Лондона. Главное, некому играть на разогреве, а бюджет проекта расписан до копейки.

Наташа зашла в тупик – территория стройки была извилистой и непредсказуемой как лабиринт. «А мы вот так!» – подумала она и юркнула в проход между домами.

Не имей сто рублей, а имей сто друзей. Подружки-подружки... Снусмумра! Вот, точно! Она же играет в каком-то кабаке, значит... Значит, играть умеет и много не попросит. «Снусмумра. Разогрев», – создала записку Наташа и огляделась по сторонам.

Да, многое тут изменилось. Может быть, вернуться на Тверскую – на тротуаре ведь ничего пока не строят? А вдруг там до сих пор скучает в пробке таксист со своими квитанциями? Сам он дылда! Высокая, но красивая и юная особь женского пола называется «фотомоделль». Не очень красивая и не очень юная – «дылда». А как оставаться красивой и юной, если с этой работой ничего с собой не успеваешь сделать? Вот как, а?

Наташа стиснула зубы и углубилась в лабиринт. Повернула налево, потом направо. Горожанин в третьем поколении должен ориентироваться в городе, как его далёкие предки – в лесу. Но путеводная кремлёвская звезда скрылась за облаками, стороны света перемешались, и даже некрашенные деревянные заборы, казалось, перебежали с места на место, стоило отвести от них взгляд.

Из-за одного такого забора на горожанку в третьем поколении выбежал человек в парусиновом костюме.

– Не знаете, как выйти отсюда на Большую Садовую? – вцепилась в его рукав Наташа.

– Ай, не надо туда ходить! – человек скривился как от зубной боли. – Купите у меня лучше кольцо.

Слово «кольцо» он произнёс с интонациями принца в изгнании. Гордого принца маленькой державы, вынужденного приторговывать семейными ценностями.

Он достал из кармана вызолоченную пластмассовую лягушку на верёвочке. На лбу у земноводного проступали невидимые миру буквы «Made in China».

Наташа улыбнулась. Ободрённый такой реакцией принц решил поднажать и добавил со значением:

– Берите-берите, по двести отдам. Жаба с золотом. Приносит в дом деньги. Научный факт – доказано Фэншум!

– А вы хоть знаете, кто такой Фэншуй? – с сомнением спросила Наташа.

– Ученый такой. Вроде Билла Гейтса, – не растерялся продавец.

– Фэншуй – это остров в Тихом океане. Там есть военно-морская база США, засекреченная. Они этих лягушек ловят, вставляют внутрь жучка и подбрасывают нам. Вы, случайно, не американский шпион?

Собеседник мутно посмотрел себе под ноги, спрятал «кольцо» в карман и побрёл прочь.

Не успел ещё принц в изгнании вернуться в своё изгнание, как у Наташи в кармане заголосил телефон.

«Ой, мамочки!!!» – кричал он на весь двор голосом знаменитой комедийной артистки.

Когда-то Наташе показалось, что поставить такой звонок на номер родителей будет остроумно. Теперь она всё время забывает сменить его, и это позорное «Ой, мамочки!!!» то и дело врывается в её жизнь в самый неподходящий момент.

– Я легла вздремнуть после обеда и видела плохой сон, – без предисловий сообщила мама, – очень плохой. Там было... что-то плохое. И я сразу подумала о тебе. А утром к нам на участок приползла змея. Помнишь горку возле компостной кучи? Вот там она на солнышке и грелась.

– Ядовитая?

– Ужик. Маленький такой, мы ему молока дали. Крэкс полаял на него, но трогать не стал. Ты мне скажи, у тебя всё хорошо?

– Да, всё хорошо.

– Ты только не ври. Нам важно знать, что у тебя всё хорошо.

– Просто замечательно.

– Тогда к чему сны такие снятся, можешь ты мне объяснить? Я Аньке позвонила, у неё всё хорошо. У неё всегда хорошо. Значит, у тебя тоже хорошо?

– Лучше не бывает.

– Ну хорошо. Ты звони, не забывай. Нам надо знать, что у вас всё хорошо. Только ты не скрывай, если что-то будет плохо. Фиалки все уже засохли?

– Я их в офис отвезла.

– Вот и правильно. Ты там почти что живёшь. Значит, всё хорошо?

– Всё прекрасно. Ну ладно, мам, у меня тут дела. Целую. Папе привет.

Ой, мамочки... Наташа прислонилась лбом к забору и почувствовала себя маленькой врушкой, не оправдавшей родительских ожиданий. Им важно, чтобы у них с сестрой всё было хорошо. А у Наташи не всё хорошо. Если так, по мелочи посмотреть – очень многое у неё не хорошо. А по-крупному лучше и не думать. То есть, конечно, не всё так плохо. Нормально, не хуже, чем у других. Но вряд ли хорошо. И уж конечно – не так хорошо, как хотелось бы родителям.

Однако надо как-то выбираться из этих катакомб. Где-то совсем рядом гудит Тверская, стройка грохочет, слышно, как перекликаются на разных языках строители, но нет поблизости никого, кто указал бы дорогу.

Нет, вон чешет какой-то... Пожилой эмо.

Лёгким, прогулочным, немосковским шагом к Наташе приближался высокий мужчина лет сорока. Приличный такой, в костюме. Правда, без галстука. Но костюм дорогой. Ботинки шикарные. Только волосы почему-то до плеч и светло-зелёные. Дизайнер, наверное. Идёт уверенно, по сторонам не оглядывается – значит, знает, где тут выход.

– Простите, вы не подскажете, как на Большую Садовую выйти? – кинулась к нему Наташа. И обратила внимание, что брови у незнакомца тоже светло-зелёные, под цвет волос. Наверное, очень крутой дизайнер.

– Это где? – спросил пожилой эмо. У него был такой вид, как будто он только что свалился с Луны, и всё вокруг для него и внове, и удивительно, и чуждо, и волшебное.

– Если бы я знала, я бы не спрашивала, да? Я думала, вы знаете. Ну, там она где-то, – Наташа неопределённо махнула рукой. – Если все эти стройки скрыть нафиг.

– Понятно. Пошли, – легко сказал зеленоволосый и протянул руку.

Наташа вцепилась в неё, как потерявший надежду заяц – в багор деда Мазая. Почему-то она не испытывала никакого смущения или дискомфорта из-за того, что её, как ребёнка, ведёт за ручку незнакомый человек.

Стройка расступилась, образовав проход. Наташа и её провожатый завернули за угол. Тупик? Э, нет. Дома разъехались в стороны, пропуская их. Влажное пятно на стене оказалось аркой. Проход, поворот, снова проход. Если бы Наташа не была так занята своими мыслями о грядущих переговорах, она бы заметила, что здания в самом деле расступаются, шлагбаумы поднимаются, заборы прячутся под землю, появляются арки и проходы там, где их никогда не было.

– Понимаете, концерт в «Б2», в поддержку социальной сети, – захлёбываясь словами, тараторила она, – они сказали, ну и... Так положено. Звезду из Лондона привозит заказчик. Ну и всё такое, значит... На мне – клуб и разогрев. Как бы это... Ощущение, что никому ничего не надо, понимаете? Я бегаю и подталкиваю их! Чтобы праздник и так далее... А они инертны! Им неинтересно!

Они вышли в переулок, запруженный автомобилями, и вдруг неожиданно оказались на шумной и полноводной Большой Садовой.

– А вам интересно? – вдруг спросил проводник.

– Что?

– Концерт.

– Никому это не интересно, – помолчав, призналась Наташа. – Вы же понимаете. Не надо издеваться.

– Я не издеваюсь, – чуть удивлённо ответил зеленоволосый и отпустил её руку. – Зачем же тогда праздник?

– Для отчетности. О, мы уже на месте? Спасибо! Не представляете, как вы меня выручили! Этот таксист меня год мариновал бы по пробкам! А вы...

Не дожидаясь окончания фразы, незнакомец шагнул на проезжую часть. Стал как будто прозрачным, облачком стал, голограммой. Мимо, словно сквозь него, проносились автомобили. Он дошел до середины улицы, остановил ярко-красный Мини Купер, сел на водительское место. Если бы Наташа не погрузилась в мысли о празднике, который был ей совсем не интересен, она бы обратила внимание на то, что в автомобиле больше никого нет. Вместо этого она посмотрела на часы и, убедившись, что прибыла вовремя, поспешила к своей цели, пробормотав вслед чудесному провожатому:

– Да благословит вас святой Фэншуй, добрый господин.

Глава вторая. Синие листья и зелёные волосы

Рабочий день закончился на два часа позже, чем того требовали расписание, начальство и здравый смысл. Наташа решила немного задержаться, привести в порядок не срочные и не важные бумаги – вот, привела. Через пару дней они опять разлетятся по всему кабинету, по чужим столам, полкам и ящикам, так какой же смысл в этом упорядочивании? Мысли собрать в кулак, в кучку, стрелой пустить их в правильном направлении, что-то понять, осознать? Не выйдет – сколько раз уже пыталась.

Если бы кто-то умный, большой, посмотрел на её жизнь сверху, оглядел её разом, вместе с прошлым и будущим, – он смог бы увидеть, где кроется ошибка, маленькая неточность, зацепка, из-за которой всё пошло не так. Царапина, на которой спотыкается патефонная игла, и всё повторяется и повторяется навязший на зубах мотивчик, одна и та же нелепая, незаконченная фраза, от сотен и сотен повторов утратившая всякий смысл. «Тыр-тыр-тыр», набор ничего не значащих звуков.

Расслышать в этом «тыр-тыр-тыр» главное, расшифровать его и сказать, как жить дальше, способен только тот, большой, кому по силам взглянуть на жизнь человеческую сверху, захватив и прошлое, и будущее. Жаль, что он, большой, шагает семимильными шагами, смеётся раскатами грома, и нет ему дела до надоедливо повторяющегося мотивчика в чьей-то крошечной частной жизни.

А может быть, и того хуже: он, большой, посмотрел на Наташу сверху и списал эту неперспективную, неудачную модель. Пусть уж, так и быть, живёт столько, сколько ей отпущено по гарантии, но как она будет жить, сколько раз повторится в её голове постылый «тыр-тыр-тыр» – неважно. При рождении в неё закралась ошибка, которую уже не исправить, сколько ни припудривай действительность, и никогда не прекратится этот шум, шорох, треск мотора, работающего вхолостую, который не позволяет услышать пение ангелов, звон хрустальных бокалов в высоком морозном небе, журчание чистейшего родника, перебор струн божественной арфы.

Наташа закрыла дверь кабинета, поздоровалась с уборщицей, прошла мимо лифта и спустилась вниз по лестнице – привычные действия, для этого не нужно собирать мысли в кулак и стрелой пускать их в направлении, которому сопутствует успех.

Вышла на улицу, перешла дорогу в неполюбованном месте, а потом внезапно решила дойти до метро незнакомой дорогой. Когда идёшь с работы непривычным маршрутом, можно вообразить, что это не ты, и не с работы, и не домой, а кто-то другой, более удачливый, вышел из дома и отправился на вечеринку. Или в гости.

Незнакомый путь заставляет очнуться, проснуться. Тут нельзя доверить управление автопилоту и погрузиться в свои мысли, более чем наполовину состоящие из анализа дел минувшего дня. Как хорошо, наверное, быть рабочим: отошел от станка – и тут же забыл о деталях, которые вытачивал весь день.

«Господи, ну хотя бы во сне пожить нормальной жизнью, если наяву не удаётся!» – малодушно подумала Наташа. Вчера ей снились переговоры, что приснится сегодня? Отчёт на пяти страницах, в котором весь смысл – в самом конце, а остальное – просто надувание щёк и набиение себе цены?

Она остановилась – показалось, что кто-то зовёт её. Тёмный безлюдный переулок. Невидимый голос что-то бубнит, может быть, просит о помощи. Наташа подошла к фонарю, огляделась. Голос стал отчётливее, уже можно было разобрать отдельные слова. За фонарём виднелся столб, к которому была прикручена железная коробка с кнопкой и переговорным устройством. В полутьме Наташа с трудом разобрала надпись «Справочная служба».

«Ваш вызов принят. Ждите ответа оператора», – твердила коробка.

Видимо, кто-то из озорства нажал на кнопку и умчался. Наташа ускорила шаг – ещё примут за хулиганку, потом объясняйся. Шла бы уж лучше привычной дорогой, там нет таких сюрпризов. Там вообще ничего нет.

Переулок угодливо вильнул и вывел на Марксистскую улицу. Уже виднелись знакомые очертания церкви за метро «Таганская» и высотки где-то вдали.

Вызов принят. Какой вызов? Какой вызов может бросить Наташа – и кому? Она живёт тихо, никому не мешает – разве только нерадивым работникам, ну так они потом спасибо ей скажут. Но вызов? Нет и нет. И потом, что значит «ждите ответа оператора»? Какой-то вызов, непонятно даже какой, неизвестно кем принят, «они» обдумают его, и оператор назначит место и время дуэли?

Во сне, твердят все сонники, прислушиваться надо, а не приглядываться. То, что ты видишь во сне – обман, морок. А вот то, что слышишь – есть великая истина. Значит, принят её вызов. Какой? О чём она думала до того как услышала автоответчик? О работе? Но работа – это не вызов. Вызов – отказаться от такой работы, уехать в глушь, в деревню, жить натуральным хозяйством. Ага, сейчас. Что же хотел сказать этот голос, какую истину донести?

Хотя, стоп, она же не во сне! Или во сне? Каждый день состоял из сонной дневной суеты и нескольких часов вечерней свободы, когда можно было с уверенностью сказать: это не сон, это и есть жизнь.

Наташа спустилась в метро. Скорее всё-таки во сне. Чем наоборот.

Дома она привычно включила свет во всей квартире, поставила в микроволновую печь стеклянную посудину с остатками вчерашнего обеда. Пока еда разогревалась, протёрла влажной губкой идеально чистый обеденный стол – просто чтобы не стоять без дела. Включила компьютер. Не откладывая, решила сменить настройки на сайте «Такси Вперёд!» Ввела полученные днём пароль и логин, выбрала опцию «Отказаться от всех уведомлений», нажала на кнопку «Я уверена», на галочку «Я точно уверена», на звёздочку «Я абсолютно уверена», ввела свои паспортные данные (зачем это?), снова нажала кнопку «Подтвердить». Айфон нежно булькнул: «Вас приветствует служба поддержки сайта “Такси Вперёд!” Вы выбрали опцию “Отказаться от всех уведомлений”. Если вы ошиблись, или кто-то воспользовался вашим паролем доступа, отправьте СМС на короткий номер 00006. Если вы действительно хотите отказаться от всех уведомлений, не отвечайте на это сообщение, и изменения вступят в силу с завтрашнего утра».

Изменения вступят в силу с завтрашнего утра! Какое счастье.

Звякнула на кухне микроволновка. Поставить тарелку рядом с компьютером и клевать понемногу, бездумно путешествуя от ссылки к ссылке.

«И всё-таки – рабочая почта!» – прозвенел в голове тревожный звоночек, не дающий расслабиться даже по вечерам. Писем никаких не было: они придут завтра утром, все скопом, и на них нужно будет отвечать, поминутно отвлекаясь на звонки и поглядывая на часы – чтобы не опоздать на совещание.

Наташа свернула все окна, поставила пустую тарелку на колени и стала рассматривать фотографию на рабочем столе. Она где-то скачала её, уже и не вспомнить где. На фотографии была изображена улица незнакомого полупрозрачного города. Недавно прошел дождь, камни мостовой блестят, людей не видно. В нижнем правом углу – лужа, в луже отражается освещённая заходящим солнцем стена соседнего дома. Из окон глядит небо. Сама улица неприветливая, но там, за поворотом, за ажурной оградой что-то есть. А небо – и в окнах, и над крышами домов – такое голубое-голубое, как будто и не было никакого дождя...

По набережной, гудя истошно, промчалась «скорая» или, может быть, пожарная машина. Наташа очнулась. Как долго она сидела перед компьютером, глядя в монитор, ни о чём не думая? Это ничего. Это можно. Что бы ни случилось, у неё всегда есть два часа до сна. Её личная территория свободы. Она может делать что захочет – это время священо, она не отдаст его никому. Часто Наташа просто сидит у окна или на балконе, смотрит на деревья – желтые,

белые, зелёные, прозрачные. По набережной проносятся автомобили, уже поздно, их мало, каждый автомобиль – событие. Подъезжает автобус с запоздалыми туристами. В темноте, глядя себе под ноги и весело галдя, они спускаются в сквер и застывают перед громадой освещенного Новодевичьего монастыря, щёлкают вспышками фотоаппаратов.

Можно выйти на набережную и прогуляться в одиночестве, или заварить чаю, или включить телевизор. Делать что угодно, лишь бы не спать. Сон – это телепортация с территории вечерней свободы в расчерченное по линейке утро, где каждая минута на счету и нельзя отклониться от графика. Но спать всё-таки надо. Это ведь только на полупрозрачной улице незнакомого города никогда не наступает ночь.

Наташа вымыла посуду, ещё раз проверила почту, выключила компьютер и легла в постель. И, уже засыпая, вспомнила, как чуть не заблудилась сегодня днём среди строек и шлагбаумов.

Обычно ей снилась всякая чепуха, которую под утро было не вспомнить. Она и не верила, что так бывает: уснул, и смотришь кино. Её сны были не фильмом, а набором открыток, к которым примешивались чистые листы бумаги. Под утро в памяти оставались только чистые листы.

Она заснула и, как всегда, увидела открытку – полупрозрачную улицу, которую рассматривала перед сном. Влажные камни мостовой тревожно темнеют под ногами, в окнах отражается голубое небо. Интересно, а есть что-нибудь за краем фотографии?

Наташа уверенно подошла к ажурной ограде. Там в самом деле была калитка – не такая, какой представлялась, но была же! Калитка мягко распахнулась, не дожидаясь прикосновения. Вниз, в прозрачную неизвестность, подёрнутую розоватым туманом, вели отполированные, как стекло, ступени. Они блестели так заманчиво, что Наташа шагнула на них и сама не заметила, как спустилась на узкую улочку – такую узкую, что выющиеся растения на крышах домов, стоявших по обе стороны, переплетались друг с другом и свисали вниз, до второго этажа. Изображение, запечатленное на рабочем столе, осталось где-то наверху и чуть-чуть слева. Наташа шагнула под выющиеся зелёные своды, прошла немного вперёд и вскоре оказалась на более широкой улице. Слышались обрывки голосов, тихий смех – должно быть, совсем рядом ходили люди, просто она их не видела. А они не видели её.

Наташа медленно брела по улице и пыталась понять, что, кроме хрупкости и прозрачности – впрочем, казавшихся здесь естественным следствием течения жизни, – так отличается от привычного городского пейзажа? Наконец поняла. Окна. Они не были зеркальными – и при этом в них отражалось небо. В каждом окне – голубое бескрайнее небо. Наташа подняла голову. Там, наверху, лениво ползли облака. Она опустила взгляд и посмотрела в ближайшее полуподвальное окошко. Отражавшаяся в нём синева была ясной и безоблачной. Чистое небо в упор глядело на неё снизу вверх.

Наташа отвела взгляд и свернула за угол. Мелькнуло что-то очень знакомое, московское, потом дорожка вывела её к четырёхэтажному пассажиру. Резные, словно хрустальные, колонны и стены, сложенные из похожих на ледяные глыбы необработанных булыжников, поднимались до второго этажа, полностью прозрачного: видны были витрины магазинов, столики кафе и ресторанов, узкие мостики, перекинутые над первым этажом, огненные шары-светильники, будто висающие в воздухе. К третьему этажу здание уплотнялось: оно уже не выглядело ледяным или прозрачным, скорее мраморным, светло-серым. Четвёртый этаж почти сливался с третьим, только казался чуть сплюснутым по сравнению с остальными. Завершал образ высокий стеклянный купол, венчавший Пассаж.

Наташа вспомнила, как однажды устроила своим игрушкам прогулку по хрустальному лесу серванта. Две самодельных тряпичных куклы, кот, заяц и ковбой бродили среди высоких резных фужеров, забирались в глубокие салатницы, отдыхали в зарослях бокалов. Пока не пришла мама и не выпроводила всю компанию в детскую.

В недра пассажа-серванта вела высокая арка, никаких дверей, охранников или засовов не было в помине, и Наташа смело вошла под прозрачные своды.

Внутри было светло, торжественно и тихо, как перед званым приёмом. Тонко звенели хрустальные подвески, которыми был украшен зеркальный шар у входа. Наташа взглянула в этот шар, ожидая увидеть в нём что угодно, но увидела своё отражение. На ней было изумительное платье, совсем как у главной героини лирической комедии «Секс по домофону». Такое платье стоило уйму денег и было рассчитано на изящную невысокую девушку, но Наташа выглядела в нём великолепно.

Она расправила плечи и углубилась в галерею. Внутренние стены были прозрачными, и сквозь них можно было видеть всё, что происходит в небольших помещениях по обе стороны. Вот лавка, а вот мастерская, и ещё одна, и снова лавка – но где же люди? Их нет, и только тени скользят по стенам, и слышны кое-где голоса, невнятные шорохи, звон посуды, шелест обёрточной бумаги. Праздник где-то совсем рядом, надо только суметь его разглядеть.

По узкой извилистой лестнице, похожей на горную тропу, Наташа поднялась на второй этаж. Снова тени вместо людей и неразборчивое журчание голосов. А это, видимо, кафе. На резных столиках стоят прозрачные чашки с густым зелёным напитком. В хрустальном шкафу, украшенном литыми стеклянными цепочками, как ювелирные украшения, покоятся разноцветные сладости. За столиком, скрытым в тени этой витрины, ссутулившись, сидит человек и задумчиво перебирает пальцами левой руки мелкие камешки в стоящей перед ним вазе. На человеке удивительный костюм, скреплённый сотней металлических крючков и петелек. Если неожиданно подкрасться и расстегнуть их все, костюм превратится в горсть лоскутов, то-то будет веселье!

Словно почувствовав пристальный взгляд, обладатель диковинного костюма поднял глаза и посмотрел на Наташу, а через мгновение она уже сидела рядом и перебирала пальцами левой руки мелкие камешки в вазе. Камешки напоминали фасоль, были гладкие и тёплые на ощупь.

– А ведь вы мне снились, – немного помолчав, сказал Наташе сосед по столу. – Я вспомнил, вы снились мне этой ночью. Но раньше я никогда вас не видел.

Он говорил медленно, а перед тем как произнести важное слово, на мгновение как будто задумывался.

Наташа не спешила. Собеседник провёл рукой по светло-зеленым волосам, заправляя их за ухо. Мгновенная вспышка узнавания: стройка, двор, тупик и чудесный проводник, который вывел её на Большую Садовую.

– Я вас тоже вспомнила! – выпалила она. – Вы ещё спросили, интересно ли мне устраивать праздник. А у вас тут что, каждый день праздник, да?

– Впервые в столице и совсем ничего о ней не знаете? Надо это исправить. Идёмте со мной, – покровительственно сказал зеленоволосый и поднялся с места. На резной стол упало несколько металлических семиугольников – он словно выронил их небрежно из рукава.

Они обогнули витрину, спустились на первый этаж, прошли насквозь всю галерею и очутились на тихой улице. По обе стороны высились дома, словно высеченные в скале. Под ногами был прозрачный как лёд мрамор. Где-то внизу, в холодной глубине, бежал по своим делам ручей.

Наташа заглянула в окно ближайшего дома, чтобы полюбоваться своим прекрасным платьем, но снова увидела только небо, голубое, прозрачное и безмятежное.

– Почему во всех окнах отражается небо? – спросила она.

Удивлённый взгляд тёмных глаз, рука взлетает вверх, чтобы заправить за ухо непослушную светло-зелёную прядь.

– Каждому владельцу окна хочется, чтобы там отражалось небо. Но если напротив твоего дома стоит другой дом, в окнах будут отражаться только стены.

– Очень верно подмечено!

– И уж совсем никому не хочется, чтобы в его окна заглядывали посторонние. Поэтому во всех городах Просвещенной Империи окна обрабатывают небесным отражателем.

– Чем-чем? – наморщила лоб Наташа.

– Наносят плёнку. Она пропускает внутрь весь свет и изображение, а наружу транслирует отражение неба.

– А откуда эта плёнка берёт отражение неба?

– Она рождается в горном промышленном городе Рику, в самой высокой и ясной точке Империи. И запоминает небо навсегда.

– А если она запомнит пасмурное или ночное небо? Ну мало ли?

– Такую плёнку охотно берут для внутренней отделки домов. Но в окнах должно отражаться только ясное небо. Это не штамповка. Это – закон.

– Хорошо, а почему тогда в кафе были прозрачные стены? Если окна заклеены небом, то надо и стеклянные стены чем-то замазать!

– Зачем? Люди сидят в кафе, чтобы показать себя и то, что они могут себе позволить. Мы в столице, а это значит, что всё сколько-нибудь прекрасное должно быть видно со всех сторон.

Скалистая улица сменилась переулком с крошечными двухэтажными замками. Каждый выглядел неприступной крепостью, а один даже был оснащён коротким и очень широким подъёмным мостом. Мост вряд ли когда-либо приводили в действие – цепи подъёмного механизма увивал синий плющ.

– Тут водятся призраки? – шепотом спросила Наташа.

– Призраков не существует, – спокойно ответил её спутник, – но никто не мешает людям верить в них. В столице даже есть несколько мастеров, которые делают приятные дорогие безделушки для местных призраков.

– Так что же, ваши призраки – платежеспособный народец?

– Платят, разумеется, те, кто в них верит.

– Здорово придумано. Небось, барахло для призраков стоит дороже, чем для людей?

– Безусловно. За свою веру надо платить. Иначе какая же это вера?

Пройдя ещё немного вперёд, они оказались перед восхитительно пропорциональным невысоким деревцем с гладкой, чуть маслянистой синей листвой. Листья были так прекрасны, что Наташа протянула к ним руку. Но наткнулась на пустоту: деревце словно боялось щекотки и отступало в сторону. Наташа шагнула вперёд, растопырив руки, как старик, решивший изловить к обеду курицу, но деревце вновь ускользнуло из её объятий, и вдруг – взрывом тысячи глубинных бомб – как всегда неуместный звонок будильника.

Мгновение сна растягивается в киноленту, каждый кадр – отдельная картинка. Наташа оборачивается, краем глаза ещё видит дерево с синей листвой, и удивлённый взгляд, и взмах руки, поправляющей зелёную прядь, потом – темнота. Потом – сознание возвращается к ней.

Надо вставать. Работа не ждёт. Синие листья и зелёные волосы – приснится же такое!

Глава третья. Пстри-бздри!

Наташа спускается в метро каждое утро и каждый вечер, но людей не видит. Перед нею – потребители, которых нужно заморочить, очаровать, облапошить, напугать, удивить, разозлить – но только не оставить равнодушными. Наташа работает в рекламном агентстве полного цикла, и каждый из этих людей однажды может оказаться представителем нужной ей целевой аудитории. Поэтому она рассматривает всех с брезгливым любопытством, как инопланетный репортёр, которому вместо обещанной путёвки на чемпионат галактики по футболу в последний момент дали задание описать представителей отсталой планеты где-то в Солнечной системе.

Два часа до совещания пролетают незаметно – звонки и переписка съедают их полностью. А совещание – скучная еженедельная обяzałовка, трата драгоценного времени во имя неизвестно чего. В комнате переговоров, за большим овальным столом, собираются руководители проектов и по очереди рассказывают о том, что удалось сделать на минувшей неделе. Они уже отчитались вчера в письменном виде перед начальством, теперь должны повторить всё то же самое устно, при всех. Уже не для начальства – друг для друга.

В переговорной стоят аквариумы с рыбами. Наташа не любит рыб, с детства. И аквариумных, то и дело всплывающих вверх брюхом. И рыбу во всех её кулинарных проявлениях. И даже рыб по гороскопу – на всякий случай. Хотя вообще-то она не верит в гороскопы.

Наташа любит котов. Любит наблюдать за ними, когда они думают, что их никто не видит. Она не признаёт домашних ленивых пузанов или нервных аристократов, шипящих по любому поводу. Ей нравятся вольные коты – те, которых хозяева не боятся отпускать на улицу, и те, что с рождения живут на свободе. Увидев вольного кота, Наташа, как загипнотизированная, может пройти за ним целый квартал – и только потом спохватиться, что идёт не туда.

Но на совещания котов не допускают. А рыбы вот плавают, и ничего.

Сегодняшнее совещание собирается побить рекорд мира по бессмысленной трате времени. Боссы отсутствуют: один ещё на прошлой неделе застрял в Непале у какого-то духовного учителя, другого позвали на открытие нового гипермаркета, и он поехал в надежде получить там платиновую скидочную карту на всё. Совещание ведёт менеджер по учёту и контролю – новая избранница босса, того самого, который уехал в гипермаркет. Девушка очень волнуется. Она понимает, что все всё понимают. Все понимают, что она это понимает, и ведут себя по-разному. Кто-то издевается, кто-то медитирует, кто-то проявляет снисходительность, кто-то задаёт вопросы по существу, на которые бедная красавица не может ответить.

Рядом с Наташей сидит Гогога – автор знаменитого веб-комикса «Неуспешные и счастливые». Времени не теряет – рисует в блокноте очередные истории про кота, мышь, лягушку и безногого велосипедиста.

Гогога – человек добрый, талантливый и слишком покладистый. Наверное, поэтому ему всегда достаются невыполнимые проекты. На каждом совещании кто-то из боссов, а то и оба разом, стыдят и терзают Гогогу, а он кивает, запоминает – и отражает эту беседу в своих комиксах, на радость подписчикам.

Чтобы повысить свой авторитет в глазах совещающихся, менеджер по учёту и контролю не находит ничего лучше, чем отругать Гогогу – а что, он привык, его положено ругать. Как необстрелянная учительница начальных классов, угодившая на открытый урок в колонии для особо опасных первоклашек, она подкрадывается к нарушителю, выхватывает у него блокнот и демонстрирует окружающим. Окружающие заинтересованы – они любят эти комиксы. Девушка принимает заинтересованность за поддержку и выговаривает художнику:

– Давайте будем разделять автора комиксов и сотрудника нашего агентства. Сейчас вы сотрудник. Вы не имеете права рисовать в рабочее время!

– Это как-то мешает проводить совещание? – невинно интересуется Гогога.

– Мешает. Это крадёт энергию у всех участников!

Обычно такими фразами бросается босс, застрывший в Непале. Ему можно. Этой – нельзя.

Участники совещания в ужасе осматривают свои ноутбуки и мобильные телефоны – не украдена ли энергия, не разрядилась ли техника? Шум, гвалт, обидные комментарии, Гогога кланяется и садится на своё место.

– Правда, почему ты не уйдёшь отсюда? – однажды спросила у него Наташа. – Они тебя не ценят, а ведь ты звезда Интернета.

– Вот чего ты словами ругаешься? Сама звезда, понятно? А уходить не буду – художник должен страдать. Странствие – его топливо. А где мне в другом месте так качественно пострадать удастся? Да ещё на окладе.

Убедившись в том, что энергию никто не украл, сотрудники постепенно затихают.

– Простите, – поднимается со своего места Вундеркинд Маша и поправляет на носу очки-велосипеды. – Простите, я давно хотела узнать, менеджером по учету и контролю чего вы являетесь?

Фаворитка босса затравленно оглядывается. Не найдя ни в ком поддержки или хотя бы сочувствия, резко отвечает:

– Менеджером по учету и контролю всего!

– О! – осеняет Гогогу, и он толкает Наташу локтем. – Камрад, засвидетельствуй веху. Родился новый персоньш.

Он перелистывает несколько страниц блокнота и начинает с упоением рисовать много-рукого, многоногого и безголового менеджера по учету и контролю всего.

Вундеркинд Маша снова поправляет очки и садится на место. Совещающиеся вот-вот самовольно отменяют совещание и отправятся по своим кабинетам, но тут встаёт бренд-менеджер Митя, всем премило улыбается, ждёт, пока затихнет шум, и начинает докладывать о своих достижениях.

Наташа не любит рыб. Но лучше уж смотреть на рыб, чем на бренд-менеджера Митю. Митя стоит навтыжку, поигрывает ямочками на щеках и отчитывается перед всеми разом. Митя, ты бы себя слышал! «Проведены переговоры о том, чтобы нам разрешили встретиться и поговорить». И так – каждый раз. Он проводит переговоры за переговорами, встречается то с теми, то с этими, но результата нет. Зато как красиво и подробно Митя расписывает каждое своё действие!

Все считают его очень милым, и потому прощают многие недочеты. Митя высокий, гибкий, рыженький, в веснушках. Митя всем улыбается и поддакивает. У Мити нет своего мнения, он всегда соглашается с собеседником. Митя рад оказать вам любую услугу – по крайней мере на словах.

Наташа знает, что на самом деле Митя совсем не милый. И он знает, что она это знает. И потому с ней он не слишком мил.

Журчит в углу фонтанчик, журчит речь Мити.

Наконец не выдерживает даже менеджер по учету всего и начальственным тоном спрашивает, когда проект будет завершен и будет ли он завершен успешно?

– Как будет угодно небесам, – разводит руками Митя и улыбается своей чудесной детской улыбкой.

Это означает: «Я не буду напрягаться и расшибаться в лепешку для того, чтобы завершить проект наилучшим образом. Как будет, так и будет».

Скажи он это прямым текстом – и все, кто сидит в переговорной, поняли бы, что Митя совсем не милый. И выгнали бы его прочь. Но ведь он фактически это и сказал! Неужели никто не слышит?

Убедившись в том, что его ответ всех устраивает, Митя продолжает переливать из пустого в порожнее.

В аквариуме, который стоит напротив Наташи, плавают четыре крупных рыбы. Рыба номер один – большая, бурая – рыба-агрессор. Стоит кому-то подплыть к ней на расстояние вытянутого плавника – и бурый агрессор злобно разевает рот, как будто непечатно ругаясь, и наступает на нарушителя границ. Рыбу-паникёра, симпатичную, нежно-золотистую, разглядеть нелегко. Потому что она прячется то в подводном замке, то за корягой, то в зарослях водорослей. Рыбе-паникёру очень страшно. А вдруг до неё доберётся рыба-агрессор? Но это невозможно. Паникёр так ловко прячется, а агрессору не нужен подводный замок, коряга и пучок водорослей. Он защищает только свой угол. Поди объясни это паникёру. Абсолютным флегматичным спокойствием выделяется рыба-аутист. Это большой сом-присоска, вечный трудяга: он ползает по стеклу, очищает его от налета. Сому-присоске нет дела до того, что рыба-паникёр пускается в бегство, едва он только окажется рядом. Ему также нет дела до того, что рыба-агрессор, злобно разевая пасть и пуча глаза, наступает на него, когда он чистит стекло на её территории. Сому, вероятно, кажется, что он в этом аквариуме один, нет больше никого вокруг. Когда кто-то подходит к аквариуму и хулиганства ради тычет пальцем в стекло в том месте, где у сома-аутиста находится рот-присоска, сом не реагирует. Вероятно, он думает, что и в приёмной, и во всём здании, а может быть, и в городе, и даже в мире – он один. И ему от этого хорошо. Вот сом снова проник на территорию бурого агрессора. Очень увлекательно наблюдать за бесплодными попытками злобной рыбы вытурить и напугать честного, хотя малость и отмороженного, труженика.

Четвёртая, абсолютно нормальная рыба плавает в средних слоях – чтобы не напугать паникёра и не попасть под раздачу в том углу, где затаился агрессор. Иногда она подплывает к сому-аутисту в надежде, что тот немного с ней поболтает. Но сом никого не видит: у него ещё целое стекло не вычищено! Нормальная рыба нормальна по всем параметрам. Что она делает в этой кунсткамере? Такой хорошей рыбе место на сковородке.

Митя садится, ему аплодируют. Менеджер по учету всего немного успокаивается.

– Грамотный доклад, – кивает она. – Вот реально, давайте все остальные так же отчитаются, и мы пойдём на обед.

В дальнем углу, за аквариумами, сидит преподаватель сценической речи – дальняя тётушка одного из боссов. Если прочая трудоустроенная родня начальства появляется в офисе только в день зарплаты, то эта старушка ежедневно отрабатывает свой оклад на все сто процентов. В её должностных инструкциях кто-то написал, что она должна следить за чистотой речи вверенного ей коллектива – и уж она следит.

– Милочка моя! – восклицает преподаватель сценической речи, и все замолкают, предвкушая веселье. – Милочка моя, кто вас научил этому вульгарному слову «реально»? Так говорят только бандиты в плохих сериалах. Можно сказать – «действительно», «в самом деле». Слышите меня? Ну-ка, постройте предложение правильно.

– Действительно, давайте все будут отчитываться, как он. В самом деле, давайте все будут отчитываться, как он, – покраснев, мямлит менеджер по учету всего.

– Ой, не то, не то, – хватается за голову старушка. – Вы, наверное, пренебрегаете упражнениями, которые я вам дала? А? Признайтесь, пренебрегаете?

Менеджер по учету признаётся. Преподаватель сценической речи, хитро прищурившись, оглядывает остальных и задаёт им тот же вопрос. В уклонении от упражнений сознаются все, кроме Вундеркинда Маши.

– Это не дело, это совсем не дело, мои милые! – трясёт аккуратной причёской старушка. – У вас должна быть безупречная речь. Безупречная! И великолепная артикуляция. Ар-р-ртикуляция, ар-р-ртикулир-р-руем! Ну-ка, повторяйте за мной! Пстри-бздри! Пстра-бздра! Пстро-бздо! Пстру-бздру! Пстры-бздры!

– Пстри-бздри! – гремит комната переговоров.

Рыба-паникёр зарывается в грунт. Рыба-агрессор открывает рот в такт общему хору. Сом не отвлекается от работы. Нормальная рыба начинает биться головой о стекло.

Наташа открывает рот, но не произносит ни звука.

«А вдруг мне это только снится, я проснусь через час по будильнику и поеду на работу? – с тоской думает она. – И всё будет точно так же. Все сны – про работу, и вся жизнь – про работу. И как понять – во сне это всё или не во сне? Во сне такие мысли не приходят. Во сне отсутствует такое понятие, как «во сне». Всё – явь, всё – наяву. Что же такое сон? Почему, пересекая эту границу, перестаёшь ощущать наличие самой границы?»

– Ермолаева, вы там спите, что ли? – отрывает её от размышлений голос менеджера по учету всего. – Ваша очередь!

– Милочка, милочка, опять частите! – вмешивается преподаватель сценической речи. – Придётся мне с вами поработать отдельно. Ну-ка, повторяйте за мной: фштик-фштрик! Фштак-фштрак! Фшток-фштрок...

Гогогу переполняет вдохновение: он рисует и Пстри, и Бздри, и Фштика со Фштрыком.

Всё это было бы смешно, если бы на это не уходило столько времени.

Рыба-паникёр уже полностью зарылась в грунт. Рыба-агрессор следует её примеру, но опыта у неё маловато, и ей помогает сом-чистильщик. Нормальная рыба с надеждой глядит на Наташу – может быть, она как-то поможет ей выбраться из этого дурдома? Хотя бы даже и на сковородку, куда угодно, только – отсюда. Наташа разводит руками – мол, и рада бы тебе помочь, но мне-то кто поможет выбраться из дурдома? Который по какой-то нелепой, трагической случайности считается очень хорошим рекламным агентством.

Глава четвёртая. Агентство «Прямой и Весёлый»

Так вот ты какое, очень хорошее рекламное агентство! Седьмой этаж – лицо компании. Двери уютных кабинетов распахнуты. Красотки улыбаются, от работы не отрываются. Телефоны трезвонят, факсы пищат, ксероксы скрипят, бегают курьеры. Там и здесь слышится: «Здравствуйте, вы обратились в рекламное агентство полного цикла “Прямой и Весёлый”. Меня зовут Татьяна (Марина, Ангелина). Я буду вашим менеджером».

Поначалу, наверное, у клиентов возникали вопросы: откуда такое название? Оно, конечно, вызывает позитивные ассоциации. Прямой – значит, честный, не обманет. Весёлый – значит, лёгкий, искрящийся остроумием. Но почему тогда не «Прямое и весёлое» (агентство)? Или – не «Прямые и весёлые» (исполнители работы)? И почему второе слово – «Весёлый» – пишется с большой буквы? Однако за десять лет название примелькалось и воспринимается массовым сознанием примерно как «Иванов и Петров». Что, кстати, не слишком далеко от истины.

У агентства «Прямой и Весёлый» было два основателя, два владельца, две головы. Straight, что в переводе с английского значит «прямой» или «гетеросексуал» и Gay – «весёлый», «гей». Название было выдуманно на заре карьеры, из чистого озорства – озорники и помыслить не могли, что лет через десять это дурацкое словосочетание станет брендом.

А начиналось всё в обычном жилом доме неподалёку от станции метро «Выхино». Два старых дворовых приятеля – разлученные в детстве хулиганы, волей рока раскиданные по разным школам, – встретились случайно возле помойки и обнаружили друг в друге одинаковое стремление к созиданию (как раньше, за двенадцать лет до этого, обнаружили друг в друге сходную склонность к разрушению). Созидали по вечерам, при помощи компьютера (одного на двоих) и устаревшей (зато добытой бесплатно) версии программы Photoshop. Днём учились в разных ВУЗах и пытались где-то подрабатывать. Вечером, отвергая соблазны юных лет, продолжали созидать.

Сделали сайт, подключались через модем к Интернету, показывали свои работы немногочисленным посетителям. Кто-то заметил их, предложил сделать вывеску для магазина. Вывеска удалась. Затем ещё несколько заказов. Потом – тишина. Прямой и Весёлый записали свои лучшие творения на прогрессивные трёхдюймовые дискеты и стали разносить по офисам крупных компаний – никакой реакции. Никто не хотел открывать сомнительные дискеты (наверняка – с вирусами, специально разработанными конкурентами). Но собратья-созидатели не сдавались – догадались распечатать образцы своего творчества на принтере, и дело пошло. Подработки были уже не нужны. Денег хватило даже на пакет лицензионных программ для компьютерного дизайна.

А потом неведомо откуда возник некий десятиуродный внучатый дядюшка Весёлого. Он появился всего один раз на общем семейном сборище, на которое и сам Весёлый пошел только для того, чтобы наесться от пуза на две недели вперёд. Родительница, конечно, похвасталась сыночком – мол, художник растёт. «Вырос уже, – оглядев длинного худого отрока, констатировал десятиуродный дядюшка. – Хочешь бабла поднять, художник?»

Так Прямой и Весёлый получили первый крупный заказ от некой госструктуры: придумать, разработать и нарисовать серию социальных плакатов. Придумали, нарисовали, утвердили, сдали. Получили конверт с деньгами, расписались за куда более крупную сумму, чем получили на руки, и отчалили. Их работы висели по всей Москве. Свежие, смелые, злые работы. Многим захотелось узнать – кто же авторы?

Авторы не скрывались, уменьшенные копии плакатов они сразу повесили на свой сайт. Получили ещё один заказ от той же госструктуры, расписались за следующую крупную сумму,

унесли с собой одну восьмую от того, за что расписались. Приготовились жить на широкую ногу, и тут десятиуродный дядюшка пропал – будто его и не было. Но даже одной восьмой хватило на аренду офиса и зарплату первому наёмному сотруднику. Компаньоны отложили мечты о житье на широкую ногу до лучших времён и вплотную занялись тем, к чему лежала душа, тем, что они умели и понимали. Через несколько лет дизайн-студия «Прямой и Весёлый» была известна всем, кого хоть сколько-нибудь интересовал дизайн.

«Я хочу работать только здесь или вообще нигде!» – заявляли с порога молодые и дерзкие таланты. Их принимали. Без образования, без опыта работы. Молодость, талант и дерзость были важнее. Они работали бок о бок с Прямым и Весёлым. Они готовы были идти за ними хоть на край света! Здесь с первого дня все были со всеми на «ты», занимали друг у друга по мелочи без отдачи, кормили коллег пирогами, если жизнь удалась, пили с ними после работы портвейн, если удалась не очень. Здесь не знали таких слов, как «дресс-код» и «корпоративная культура», здесь курили прямо в кабинетах и ночевали на столах, если заказ был срочный. Прямой и Весёлый всегда были вместе со своей командой: сидели на работе до утра, забывали обедать и ужинать. Каждый – от курьера до главного художника – чувствовал себя гением, лучшим из лучших.

Это была большая семья, даже не семья – племя, состоящее из единомышленников, почти ровесников, схватывающих и развивающих на лету любую мысль. Вожди племени – недостижимые боги и свои в доску парни – в те времена ещё ходили среди людей.

Те, кто пришел в агентство в самом начале, вспоминали эти годы как непрерывный драйв – без стимуляторов, без дополнительных чашек кофе, на чистом креативе. Повзрослев, они искали того же в других компаниях, открывали свой бизнес только для того, чтобы вновь пережить этот момент общего единения, но то время ушло, ушло навсегда, остались воспоминания.

Количество заказов увеличилось, штат вырос, команда перестала быть единым племенем – разбилась на отдельные группы. Теперь новеньких принимали на работу по конкурсу. Все пока ещё были вместе, особенно в радостные минуты, но горевали и грустили уже только в кругу своих. Успехи перестали радовать – они воспринимались как нечто само собой разумеющееся. Куда-то пропала эйфория первых лет.

Постепенно дизайн-студия превратилась в рекламное агентство полного цикла. Агентство приросло собственной небольшой типографией в Химках и мастерской по изготовлению сувениров в Щербинке. Часть сотрудников перекочевала на эти объекты.

Отцы-основатели незаметно отошли от дел. Они даже не руководили процессом, а наблюдали за ним чуть отстранённо, немного свысока. Повзрослели и стали требовать свою долю молодые и дерзкие таланты – многих за дерзость уволили. Агентство «Прямой и Весёлый» больше не нуждалось в чистом креативе, у него теперь было имя.

«Нарисуй чёрный квадрат, подпиши “Сделано Прямым и Весёлым”, присобачь наш логотип – и все будут говорить: “О, как тонко! Как глубоко! Они снова показали нам, как надо уметь!”» – ухмылялся Весёлый. Талант и пыл он постепенно утратил, но весёлости не растерял.

Прямой постепенно сделался прямым как угол. Впрочем, с прямотой было покончено за два года до описываемых событий. Однако, тупым он ещё не стал, временами только выглядел туповатым. Но притворялся компетентным, и сотрудники, соблюдая политес, вынуждены были делать вид, что общаются с разумным и грамотным руководителем. Иногда им приходилось подготавливать несколько обходных манёвров, чтобы донести до Прямого слишком извилистую мысль.

В штат агентства постепенно зачислили всех родственников Прямого. У них были какие-то несуществующие в природе должности и заградельные оклады. Каждому родственнику полагался отдельный кабинет, где он появлялся нечасто. Прочие сотрудники кучковались в кабинетах аналогичного размера по трое, четверо и больше.

У Весёлого не было родственников, зато были постоянно сменяющие друг друга юноши, всё моложе и моложе, всё тоньше и тоньше. Он менял их чаще, чем телефоны. Новая модель. Ещё новее! Ещё тоньше! С особо сенсорным экраном!

Бренд-менеджер Митя, пожалуй, единственный мог претендовать на звание «родственника» Весёлого. Лет двенадцать назад – ещё до основания агентства – он сам был тонким и сенсорным, но теперь всё в прошлом. Теперь Митя отчаянно корчит из себя мачо, у него это получается плохо, но всё же лучше, чем основная работа.

Весёлый не часто посещает этот невесёлый офис, ставший без него совсем унылым. Он возит своих юношей по святым местам Индии и Китая, обогащая духовно. Достигших просветления (или просто наскучивших) отпускает на волю с хорошим приданым, так что самые оборотистые открывают своё дело и через несколько лет сами становятся клиентами агентства. Им полагается скидка. «Весёлая скидка» называют её менеджеры. И смеются. Ничего смешного – эта скидка вычитается из их премиальных.

Весёлый – очень высокий, загорелый, весь какой-то узловатый. Прямой – полноватый, округлый: пухлые губы, чуть оттопыренные дуги ушей, плечи покатые, круглое брюшко, которое он пытается скрывать под слишком просторными футболками и свитерами.

Прямой и Весёлый давно уже ничего не решают – они нужны только для вывески. Всеми делами заправляет Мама.

Когда-то Мама работала бухгалтером в засекреченном НИИ. Таком засекреченном, что даже в отделе кадров не знают ни его названия, ни месторасположения. Потом у Мамы родился сын. Потом в НИИ перестали платить зарплату, и Мама самостоятельно перепрофилировалась в соответствии с требованиями свободного рынка. Сын вырос и вместе со своим другом открыл дизайн-студию, которая постепенно превратилась в рекламное агентство полного цикла. Когда дела агентства резко пошли в гору, Мама оставила полный неожиданностей свободный рынок, и Прямой, как хороший сын, взял её к себе. Маму поместили в бухгалтерию, назначили ей облегчённый график работы и тройной оклад. Но она быстро взяла в свои руки все финансовые потоки, и вскоре сместила с руководящих должностей и сына, и его друга. Основатели агентства стали кем-то вроде наёмных менеджеров, но у Мамы было достаточно мудрости и такта для того, чтобы не заострять на этом внимание. Себя она скромно именовала «коммерческий директор». Окружающие – сперва за глаза, а потом и в глаза – стали звать её «Мама».

Маме носили на подпись все документы – даже одноразовые пропуска для рядовых посетителей. Мама проверяла все расходы, и каждый месяц придумывала новый способ сэкономить. Экономили, разумеется, на сотрудниках. Это был Мамин спорт, Мамино хобби. Она ставила над людьми эксперименты и, должно быть, записывала результаты в отдельную тетрадь.

Мама никогда не была подающим надежды молодым гением. Зато она умела выколотить деньги даже из табуретки, и не упустила свой шанс. После воцарения Мамы из агентства ушли последние верные сотрудники, стоявшие у истоков. На восьмом этаже у Мамы есть свой кабинет, по размерам не уступающий школьному спортзалу. Из кабинета можно выйти на крышу, окинуть Москву хозяйским взглядом.

– Ириша, зайди ко мне, моя золотая, – воркует Мама, нажав кнопку селектора.

Личный секретарь Мамы – не слишком длинноногая, не слишком фигуристая, не слишком улыбчивая, зато компетентная, исполнительная и неболтливая, – появляется рядом со своим генералом. Мама берёт её, угловатую, под локоток, и осторожно выводит на крышу.

– Посмотри, дружок, вот здесь, здесь и здесь должны быть плакаты, сделанные в нашем агентстве, – указывает Мама сверху вниз. – Ты не знаешь, кто налепил этого страхолюдства?

Ириша достаёт из кармана смартфон, и через минуту ответ готов. Такие-то и такие-то – изготовили. Такие-то и такие-то – заказали. Для того чтобы подготовить полный отчёт со всеми подробностями, понадобится три с половиной минуты, если нужный телефон не будет занят.

– Не спеши, девочка моя... Отчёт можешь принести и через пять минут. Ты мне, главное, назначь с ними встречу. На послезавтра. С глазу на глаз. Только посмотри, моя звёздочка, когда у меня свободное время. Я хочу, чтобы здесь висели только наши билборды!

Ириша молча удаляется. Она не сомневается в том, что через неделю желание Мама исполнится. Желание Мама – это даже не закон (некоторые законы можно обойти). Желание Мама – истина. А попасть к Маме на крышу – это всё равно что удостоиться аудиенции у английской королевы.

В том, что именно Мама решает в агентстве все вопросы, сомнений нет ни у кого, даже у Весёлого. Только Прямой до сих пор уверен, что Мама немножко ему помогает – ну, может быть, иногда слишком увлекается. «Всё здесь подчиняется мне. Я – главный владелец!» – говорит он хорошеньким испуганным барышням, которых нанимает на странные должности, вроде «менеджера по учету и контролю». Когда барышня понимает, кто здесь на самом деле хозяин, ей находят замену.

Агентство «Прямой и Весёлый» давно уже не специализируется на неожиданном, злом и дерзком дизайне, а предоставляет полный спектр предсказуемых услуг для тех, кому важнее сказать «Мы заказали рекламную кампанию в Прямом и Весёлом», чем получить от этой кампании максимальный результат.

Глава пятая. Гоголь откусил голову голубю

Осень швыряла под ноги сухие листья, но в темноте двора казалось, что это мятые купюры незначительного достоинства. Наташа шагала по этим воображаемым купюрам – она бы сейчас и по настоящим деньгам точно так же прошла, не наклоняясь: слишком устала. На улице ещё тепло, и совет старейшин сидит на скамейке запасных под козырьком, возле спортивной площадки. «Пугачева-то ему подарила кальсоны за сто тысяч долларов евро, а он ей, слышь... А это кто там ногами кренделя выписывает? Что ли, старшая Ермолаевых с работы чешет? Так замуж и не вышла? А сколько ей? А что сестра?»

Неуютно возвращаться домой под этими обшаривающими с ног до головы взглядами. Наташа заставляет себя видеть в старухах объект для изучения, некую «целевую аудиторию», которая однажды непременно ей понадобится. Можно, например, подкупить тысячу самых активных старух в самых оживлённых дворах и подучить их приветствовать каждого прохожего фразой «Это Ивановых сын? Надо ему каждый день есть шоколадное печенье “Счастливый кондитер”, а то его так и не повысят в должности!»

«А что, богатая идея, – размышляла Наташа уже в лифте. – Старухи всё про всех знают. Знают, что я не замужем – ну, допустим, для меня это совсем не проблема. Но если я иду после работы, усталая, а чей-то голос во тьме шепчет: ей надо купить шоколадное печенье “Счастливый кондитер” – и она не будет так сильно уставать на работе... Я куплю это чёртово печенье, я буду его есть на завтрак, потому что – а вдруг? Хуже-то не будет. Записать бы это всё, а то забуду...»

В квартире, возле входной двери, висит кусок белой бумаги большого формата. Там Наташа записывает все мысли, которые осеняют её в лифте или перед выходом из дома. Разобраться в этой вязи непросто. Наташа читает последние записи: «Светка – билет – Пушка»; «Поговорить насчёт ковра, Мадрид и зонтик»; «Папины лыжи, сырость»; «Скидка непостоянному клиенту. Плавающий процент». Что она хотела этим сказать? «Старуха во дворе. Знает проблемы каждого. Выход – наш продукт!» – записывает Наташа. Через неделю будет вспоминать – какая старуха? Какой продукт? Ну и пусть. В нужное время всё вспомнится само.

Она снимает пальто и сапоги, достаёт тряпку, вытирает несуществующую грязь возле входной двери, проходит в кухню. Ставит на огонь чайник, а в микроволновую печь – полуфабрикат «Здоровый ужин».

Здоровый ужин – это сыр, вино, орехи и фрукты, которые ты вкушаешь в кругу семьи или просто в хорошей компании этак часов в семь вечера. А не соевый продукт со вкусом домашнего пирога, неизвестно как замороженный, разогретый экологически небезопасным способом и съеденный за компьютером, в одиночестве, ближе к полуночи.

Но продукт с названием «Одинокий поздний ужин» вряд ли будет пользоваться успехом. Люди покупают не продукт, а идею. А идея такова: даже если у тебя нет сил и времени на то, чтобы приготовить нормальный ужин, даже если тебе не с кем его разделить, даже если ты ужинаешь, когда нормальные люди уже ложатся в постель – ты всё равно здоров. И с тобой всё в порядке.

Пока Наташа размышляла подобным образом, пока «Здоровый ужин» разогревался, опасно потрескивая под пластмассовым колпаком, в коридоре, возле двери в комнату, маячила какая-то тень.

Наташа давно забыла всё, чему её учили в университете. Но иногда обрывочные воспоминания вспыхивали ненадолго, появлялись из темноты, протягивали руку помощи – и исчезали.

«Изменчивые тени», как называл их профессор Кисловодский, – первый признак серьёзного умственного переутомления. Измождённый мозг интерпретирует тень, которую отбрасывает, допустим, дверь в комнату, как нечто живое и представляющее угрозу. Потому что весь день любое движение рядом означало угрозу: вызов к начальству, срыв планов, что угодно. Даже подружки, забежавшие поболтать с Кэт Матроскиной, приносили плохие вести.

Это, конечно, пальто, а не белая горячка, или, скажем, злоумышленник, проникший следом за ней через незапертую дверь (тем более, что дверь она точно закрыла – на два оборота, и ключ повесила на гвоздик в коридоре, и потом ещё задела его, когда выключала свет).

Бедный загнанный мозг кричит о том, что ему нужен отдых. И в любой тени, в любом пятне готов увидеть живое существо.

Звякнула микроволновая печь. Наташа красиво выложила «Здоровый ужин» на заранее приготовленную тарелку. Достала из ящика свою любимую вилку, прабабушкину, с пластмассовой ручкой и тремя зубцами. Заварила душистый успокаивающий чай в фарфоровом чайнике.

Тень из коридора вошла в кухню. Нет, это всё-таки не измождённый мозг подаёт знаки.

Наташа отпрыгнула к плите, обернулась – опять этот, с зелёными волосами! Как он здесь то оказался? Что ему надо? Следовало так прямо у него об этом и спросить – но голос пропал, и на какое-то мгновение Наташа вообще забыла о том, что у неё есть голосовые связки и она может произносить звуки, задавать вопросы или хотя бы просто кричать: «Помогите, грабят!»

Человек не выглядел угрожающе или опасно. Всё тот же удивлённый взгляд – как будто он сам не понимает, что здесь делает. Рука замерла на полпути – поправить выбившуюся из-за уха непослушную прядь? Или оставить так, как есть?

«Да это же маньяк. Он убьёт меня, и ему ничего не будет, – обречённо подумала Наташа. – У него вид совершенно психический!»

Она всё ещё не могла кричать и медленно отступала, пока не оказалась возле окна. Схватила половую тряпку, которая сохла на батарее – и швырнула в незваного гостя.

Гость не растаял в воздухе, тряпка не пролетела сквозь него, он перехватил её на лету.

Наташа протянула руку и вцепилась в старинный чугунный утюг, которым подпирала окно, чтобы оно не захлопывалось, когда она проветривает квартиру. Утюг полетел вслед за тряпкой. Наташа не соображала, что делает, бедный измученный мозг взял управление на себя и творил непоправимое. Она поняла это, когда утюг летел прямо в цель. В голову неизвестного, не сделавшего ей ничего плохого – *пока* не сделавшего. Потом – милиция, дознание...

Незнакомец спокойно провёл по воздуху половой тряпкой, и словно стёр утюг, как стирают с доски сделанную мелом запись.

Он пошевелил губами, словно пытаясь что-то сказать. А вдруг у него тоже от страха пропал голос? Может быть, это безобидный лунатик, который уснул, вышел из дома, шел, шел за ней следом – и зашел в квартиру. Теперь не понимает, что он здесь делает и как выйти из положения.

Зеленоволосый тем временем протянул свою длинную руку и сцапал с полки над кухонным столом хрустальную вазочку, в которой мама раньше держала конфеты, а Наташа держит только воспоминания об этих конфетах. Чужак рассматривал вазочку, как драгоценный камень, проводил пальцами по резьбе, словно пытаясь запомнить форму на ощупь.

Может быть, это не умственное перенапряжение, а что-то более серьёзное? Действие какого-то вещества? Приняла она что-нибудь, быть может?

Наташа попыталась вспомнить конец рабочего дня, дорогу домой. Всё смазано, смыто. Последнее воспоминание – мучительный телефонный разговор с главным информационным спонсором, а это было сразу после обеда. А дальше что? Рабочая рутина, которая поглотила, съела пять часов её жизни? Или день рождения кого-то из младших сотрудников, кого-то, кто осмелился – вопреки приказу Прямого – притащить в офис вещества?

Приказ висел в приёмной, копии его болтались на досках объявлений во всех кабинетах. «Приказ по офису. Запрещаю приносить, распивать, раскуривать, разнюхивать, колоть и иным способом вводить в организм вещества, изменяющие сознание. Штрафа не будет, сразу увольнение. Такого-то числа, такого-то месяца и года. Подпись – Прямой. Заверено Мамой».

А что? Вот кто-то – например, из дизайнеров, они самые бесшабашные, а может, и Гогога – приносит в офис нечто запрещённое. Конечно, надо поделиться с Кэт, потому что все с ней дружат. А тут её начальница Ермолаева – шасть в кабинет! Чтобы не донесла, надо сделать её сообщницей.

Или даже тайком подбросить вещества ей в чай. Ведь чашка стоит рядом с компьютером, а Наташа часто выходит из кабинета.

Да, наверное, так оно и было. Вещества, подсыпанные в чай. И, возможно, завтра её встретит приказ об увольнении.

Наташа вспомнила студенческую скороговорку: «Гоголь откусил голову голубю».

Очень пьяный не сможет её произнести. Человек в состоянии измененного сознания рассмеётся или углубится в подробности этой фразы, пока не расплетёт её на ниточки и не заплетёт по-новому, абсолютно произвольно. Да и просто уставший человек может сбиться: у него получится, что Гоголь откусил голову Гоголю, то есть – самому себе.

– Гоголь откусил голову голубю, – зажмурившись, громко сказала Наташа.

Нет, вроде бы все слова произносятся, все на своём месте.

– Гоголь откусил голову голубю, – повторила она.

Потом представила город Санкт-Петербург и памятник Гоголю на Малой Конюшенной. Памятник просыпается, хватает за хвост голубя и откусывает железными челюстями голову неразумной и дерзновенной птице за то, что она нагадила на голову Пушкину, который стоит неподалёку на площади Искусств.

Наташа открыла глаза. Зеленоволосый глюк никуда не исчез. Он поставил вазочку обратно на полку и теперь скрёб ногтем кафельную плитку на стене.

– Что вам надо? – грозно спросила Наташа.

– Я... просто сплю и вижу вас, – чуть помедлив, отвечал незнакомец. – Я вдруг неожиданно понял, что сплю. Это так странно – во сне понять, что ты во сне. Раньше со мной такого не было. Но вы, кажется, голодны, а я вас отвлекаю. Вы ешьте.

«Может, правда – лунатик?» – подумала Наташа, а вслух спросила:

– Хотите тоже поесть? – и брезгливо указала мизинцем на «Здоровый ужин».

Собеседник отрицательно покачал головой.

– Тогда несите тарелку в комнату. Только осторожно. Поставьте на стол!

Лунатик послушно понёс.

Наташа шла следом за ним, с чашкой и чайником.

На пороге кухни она обернулась. Утюг стоял на подоконнике. Половая тряпка висела на батарее.

«Ага, это просто сон», – вдруг успокоилась Наташа. Сон, состоящий из воспоминаний дня. Сегодняшнего, ну и вчерашнего заодно.

Она села за стол и с удовольствием стала уплетать остывший мясной пирог с грибной подливкой. Вкус был картонный – но во сне так и должно быть. Правда, чай был божественно хорош: чувствовались все ароматы успокаивающих трав, более того, они и вправду успокаивали.

Незнакомец сидел напротив, поставив локти на стол и подперев подбородок руками.

– Скажите, а кто кому голову откусил? – спросил он, когда со «Здоровым ужином» было покончено.

– Ну, это такая поговорка, – пояснила Наташа и переместилась в кресло. – На самом деле никто никого не кусал. Просто, если ты слегка не в себе – это тест. Реально, работает. То есть – действительно, в самом деле. Пстры-бздры! А Митя всё-таки...

Кресло растворилось в воздухе, потолок стал выше, откуда-то сверху лился дневной свет. Наташа стояла в центре незнакомого помещения, а её зеленоволосый собеседник потягивался на невысокой лежанке, похожей на длинный узкий матрас, поставленный на гнутые металлические ножки. Ножки были выгнуты так затейливо и при этом просто, что Наташа залюбовалась. А потом обратила внимание на постельное бельё, которого было слишком много: подушки, одеяла, покрывала, ещё какие-то пелёнки и валики, и всё это покрыто тончайшим вышитым узором, похожим на тот, что мороз рисует на стёклах.

– Так кто кому снится? – весело спросил лунатик-маньяк-неизвестный, сел на своём роскошном одиноком ложе и заправил за ухо зелёную прядь.

– Все кому-то снятся, – ответила Наташа. – А можно одеяло потрогать? Из чего оно сделано?

– Внутри – перья горного кота. Снаружи – простая кружевная вышивка, – пояснил зеленоволосый и бросил одеяло Наташе. Она успела заметить пижаму, сшитую из однотонных лоскутков разного материала, по форме напоминающих... Наташа не могла вспомнить слово и сам объект, но это было что-то знакомое. Потом одеяло, набитое перьями горного кота, накрыло её с головой. Она закуталась в это одеяло сама, закутала всё вокруг, и маленький беззащитный мозг, утомлённый бесконечными мыслями о работе, наконец-то смог как следует отдохнуть – впервые за много месяцев.

Будильник сработал автоматически. Наташа вздрогнула. Горел верхний свет, за окном сигналили нетерпеливые автомобилисты. Она уснула в кресле, а грязная посуда всю ночь простояла рядом на столе!

Наташа вскочила на ноги. Какая бодрость, какая невероятная бодрость! Как будто она и в самом деле спала где-то в горах, под колыбельную пушистого кота.

С ума она сойдёт с этой социальной сетью: спала в кресле, не сняв верхнюю одежду. И даже не проверила перед сном рабочую почту...

Глава шестая. Воин духа на деловых переговорах

«Если есть что-то, что народ любит от чистого сердца, значит, мы должны использовать это “что-то” в рекламных целях!» – не устаёт повторять на совещаниях Прямой. И всякий раз какой-нибудь недалёкий новенький робко поднимает руку и просит привести пример. «Ну, например – секс!» – говорит Прямой. Глаза его увлажняются и затуманиваются, лоб покрывается испариной. Прямой откидывается на спинку кресла: он больше не косноязычный недалёкий топ-менеджер, он гепард, приготовившийся к прыжку. Гепард довольно упитанный, уже не слишком молодой, но не растерявший кошачьей грации. На совещании можно поставить крест – Прямой не успокоится, пока не перечислит все удачные, на его взгляд, рекламные кампании, эксплуатирующие сексуальные образы, да ещё и прокомментирует их так, что некоторые впечатлительные особы женского пола стушуются. «Вот, видите – результат! – укажет на них Прямой, чем усугубит смущение. – Вы должны добиваться такого же результата!»

Поэтому сотрудники агентства на работе постоянно думают о сексе. Не о том, как вечером они придут домой, примут душ и падут в объятия любимого человека. А о том, как использовать эти образы – душ, вечер, дом, объятия – ради пользы дела. Пользы делу это не приносит, и личная жизнь всех – кроме Прямого, разумеется – очень страдает.

Наташа одна видит в призыве начальства здоровое зерно. Народ любит не только секс. Он также любит бесплатные концерты и вечеринки, дегустации, подарки, да много чего ещё. Некоторые любят только Интернет – готовы сидеть в нём день и ночь, позабыв и про секс, и про бесплатные концерты, и про вечеринки с дегустациями. Поэтому во все программы продвижения любых товаров и услуг Наташа обязательно вписывает работу с Интернетом.

Социальная сеть, которая вот уже несколько месяцев исправно сводит её с ума, появилась на свет нелепо, как дальний родственник из деревни, заявившийся с мешком картошки и бутылью самогона на семейный праздник в стиле «техно-минимализм».

Давно уже был клиент, очень сложный клиент, с крючка клиент сорвался, но не уплывал, всё ждал чего-то. Решили воспользоваться случаем – отправили на переговоры одного из учредителей, благо он был в Москве, проездом из Непала в Тибет (или наоборот). Вместе с ним поехала Наташа – как потенциальный менеджер проекта.

– Пристегнись и сделай лицо поглупее! – приказал Весёлый.

– А мне с глупым лицом только в машине ехать или на переговоры тоже идти? – уточнила она.

– На переговорах – по обстоятельствам. На переговорах ты – рабочая пчела! А сейчас пусть все думают, что я тёлочку склеил и мы едем развлекаться. Когда вот так парня везёшь, а он ещё раскинется белым лебедем, чтоб сомнений не оставалось – люди смотрят на тебя, как на падшего ангела, если не сказать грубее, и норовят подрезать. Сама знаешь – души наших несчастных соотечественников изувечены веками рабства. Они погрязли в стереотипах, они не чувствуют живой пульсации этого мира. Что нам сейчас только на руку. Мы сильно опаздываем, а когда едешь в такой тачке с такой тёлочкой – имеешь почёт и уважение. Увидишь – нас будут пропускать.

Наташа была в новом сарафане, эффектно подчёркивавшем всё то, что следовало подчеркнуть, и выглядела весьма достойно. На Весёлом была ярко-желтая футболка с изображением медитирующего Будды, на шее висел индуистский амулет размером с воробья. Голова совладельца рекламного агентства была гладко выбрита, на затылке синела татуировка в виде третьего глаза (почему на затылке – загадка).

Особого почёта Наташа не заметила: постовые не отдавали честь, джипы не кидались врасыпную, чтобы освободить дорогу, но и затруднений никаких не возникало. Никогда

прежде Наташа не ездила на авто с откидным верхом. Было неуютно, как в стеклянном лифте. Инстинкт подсказывает, что ты находишься в относительном уединении, но всем тебя почему-то видно. Посторонние взгляды прожигают в личном пространстве воттаканные чёрные дыры, натирают в кровь прайваси.

Они приехали на тихую кривую улочку. «Вот и лето наступило», – безучастно подумала Наташа. Весёлый припарковался на обочине, резво выскочил из автомобиля и преувеличенно галантно распахнул дверцу перед своей пассажиркой. Потом немного поколдовал над кабриолетом – и у того появилась крыша.

– На Будду надейся, а сам не лажай! – пояснил босс. – Мы ведь не хотим, чтоб нас угнали?

Этот вопрос не требовал ответа: и так понятно, что не хотим.

– Теперь слушай покой мира! – скомандовал Весёлый. Отпрыгнул в сторону и замер посреди проезжей части в позе дерева: согнул в колене правую ногу, одновременно пытаясь руками изобразить крону и при этом сохранить равновесие. Наташа прислушалась: где-то мяукал котёнок – сытый домашний котёнок, в этом не было никаких сомнений. Тихо струился джаз. Шелестели листвой тополя.

Пейзаж составляли художественно обшарпанные старинные домики и дорогие иномарки. Плавился под солнцем асфальт. Наташа даже подумала, что Весёлый, позабыв о важной встрече, нарочно привёз её сюда, чтобы помедитировать в стороне от шума проспектов и гари магистралей.

В одном из домиков распахнулось окно, в тополиную тишину ворвался выпуск дневных новостей. «Ужасной трагедией закончилась для российских туристов поездка в Понталию!» – с каким-то даже злорадством в голосе сообщил диктор.

Весёлый осыпался на тротуар, позабыв о своей медитации.

– Здесь всё надо чистить, чистить и чистить, – резюмировал он, поворачиваясь к Наташе. – На духовном уровне – столько грязи! Мне одному не справиться. Лучше сделаем для этого мира то, что мы можем сделать. Пошли поработаем.

И они пошли работать. Вслед им неслись подробности ужасной трагедии, случившейся с российскими туристами.

Улица круто поднималась в горку и заворачивала за угол. Там, в тупике, высилось пятиэтажное здание в стиле «богато», сложенное из мрамора и лепнины. Перед тем как войти внутрь, Весёлый повернулся к Наташе, водрузил свою пятерню ей на макушку и торжественно произнёс:

– Предвижу: эти переговоры будут тяжелыми. Задействуй все свои чакры!

– Непременно задействую все, – пообещала Наташа.

Бесшумно раздвинулись тонированные стеклянные двери, пропуская гостей в вызолоченное, резное, рвущее глаз великолепие. Посреди великолепия высилась рамка для просвещения граждан на предмет опасных предметов. Перед рамкой, скрестив секиры, стояли охранники, переодетые стрельцами. Работали кондиционеры, но стрельцы всё равно потели в своих тяжелых кафтанах и отороченных мехом шапках. Весёлый шагнул к стене, нажал на какую-то кнопку, неприметную среди золотых завитушек, назвал себя и цель визита. «Проходите!» – ответил сверху невидимый голос. Стрельцы молча подняли секиры, пропустили гостей, синхронно утёрли пот со лба, вернулись в исходное положение и вновь замерли неподвижными статуями. Рамка не издала ни звука – кажется, её забыли подключить к питанию. Наташа и Весёлый попали в святая святых.

В мраморном холле, похожем на зал ожидания небольшого провинциального космопорта, было безлюдно и зябко. Звякнул лифт, бесшумно разошлись в стороны блестящие двери. Внутреннее убранство кабины составляли ковры и зеркала, на потолке мигали разноцветные лампочки. Двери закрылись, а через мгновение открылись снова: уже на четвёртом этаже.

Представитель заказчика опаздывал – играл на крыше в теннис с важным деловым партнёром. Наташе и Весёлому предложили подождать в уютной комнате переговоров, а также, на выбор: двести сорок телеканалов, двенадцать сортов чая и три вида сахара. Весёлый категорически отказался от телевизора, ибо это пожирающее души вселенское зло, сахар тоже забраковал – белая смерть (да пусть хоть тростниковая коричневая, будет он ещё в сортах смерти разбираться), зато потребовал представить ему все чаи и назвать их по имени. Задумчиво поводил руками над стеклянными баночками, определил напиток с родственной аурой и велел заварить именно его.

Симпатичная секретарша вышла, оставив открытой дверь в комнату переговоров. Два охранника в обычных чёрных костюмах, дежурившие на этаже, громко и в подробностях обсуждали трагедию российских туристов в Понталии.

Весёлый заткнул уши и с мукой поглядел на Наташу. «Зачем, зачем я покинул Тибет (или Непал)?» – читалось в его глазах.

Пришел тот, ради кого совладелец агентства и проектный менеджер проделали весь этот путь. По случаю лета и спешки важный человек не стал переодеваться из теннисного костюма в деловой, только накинул на плечи полотенце в узорах «под хохлому».

Переговоры в самом деле оказались тяжелыми. Представитель заказчика-отказчика был уверен, что в агентстве «Прямой и Весёлый» работают «некреативные непрофессионалы», не способные предложить ничего стоящего. К тому же он то и дело, к месту и не к месту, произносил слово «гомоятина», всякий раз после этого извинялся перед Весёлым, уверял, что его он в виду не имеет, – и конфуз только усиливался.

Весёлый смотрел на него глазами фарфорового Будды, а когда собеседник отворачивался, делал руками магические пассы, но это не помогало.

– А девушка у вас немая или для мебели? – наконец спросил капризный клиент.

– Наташа, твой выход, – кивнул Весёлый.

Наташа достала из папки конспект и бодро озвучила несколько планов продвижения. Заказчик озлился.

– Я всё это читал. Я что, по-вашему, к встрече не готовлюсь? Готовлюсь. Всё это мы уже видели, и всё это не то. Мелко, некреативно. Вам не хватает банальности... тьфу, глобальности. Масштабного мышления. Понимаете? Мы выводим на российский рынок глобальный бренд. Глобальный! Что такое – группы в социальных сетях? У всех есть группы. У любого ларька в переходе есть своя группа. Мы что, ларёк на российский рынок выводим?

– Вы хотите, чтобы мы лично для вас создали отдельную социальную сеть? – не сдержалась Наташа.

Клиент не понял иронии. Клиент задумался, уставился в пространство, как будто силясь прозреть будущее, потом с сомнением спросил:

– А можете? Социальную сеть никто ещё не предлагал. Да, социальная сеть – это креативно.

– Мы всё можем, – ухмыльнулся Весёлый. – Наташа, запиши.

Наташа записала.

– Мы что, в самом деле будем для них социальную сеть разрабатывать? – спросила она уже в машине.

– А ты как думала? И знаешь, кто будет менеджером этого проекта?

– Ну...

– Ты! Согласись, звучит: Ермолаева Наталья – создатель первой в мире социальной сети для отдельного бренда! Ты попадёшь во все учебники по маркетингу.

– Посмертно.

– Ну послушай, дружок. Тебя никто не заставляет выпрыгивать из штанов, чтобы переплюнуть Фейсбук. Имитация бурной деятельности. Отчёты каждую неделю. Я же видел твои

отчёты. Ты умеешь пустить пыль в глаза! Даже Мама верит. Давай, придумай что-нибудь. Мы получили этот заказ – большой плюс. Но изюминка – это социальная сеть. Что есть большой минус. Отдельного бюджета на неё не будет. Домен, то-сё, конечно, купим, я сам с Мамой поговорю... Видишь, с Мамой буду говорить я, тебе остаётся самое лёгкое. Распишешь задание программистам, возьмёшь двух бойцов с шестого этажа – и пусть гондурасят. Ну-ну, не напрягайся так. Ты полна недоверия к миру, это нельзя. Этим ты загрязняешь окружающую среду. На духовном уровне.

– Вы представляете, сколько тут работы? На физическом уровне?

– Не-а. Я же не менеджер этого проекта. Я всего лишь главный идеолог, – беспечно ответил Весёлый.

И тут же стал серьёзным:

– Ты подумай, подумай, как хорошо и радостно всё совпало! Совпадения – это глас неба, к нему надо прислушиваться! Мы даже поступили в соответствии с принципом его Всепрямейшества: «Если что-то народ любит от чистого сердца, это “что-то” надо использовать в рекламных целях!» А? А? Народ ведь без ума от социальных сетей, и это по всему миру, до нас только первая волна докатилось, то ли ещё будет, – и без перехода продолжал: – Ты заметила, что у этого города совершенно враждебная аура? Такая, знаешь, предгрозовая, тёмно-фиолетовая... Впрочем, что ты можешь заметить, ты здесь живёшь. Я тебя до «Китай-города» подброшу, а сам поеду домой. Медитировать.

– Кто-то обещал с Мамой поговорить... – грустно напомнила Наташа.

– Завтра, завтра, – недовольно отмахнулся Весёлый. – На импровизации я даже у своей собственной мамы ничего выпросить не умею. Мне надо подготовиться. Перепоясать чресла. Прощупать обстановку на энергетическом уровне. Я, в конце концов, воин духа, а не камикадзе!

Глава седьмая. Рыба зажигает огонь

Ещё один день жизни ухнул в топку рабочей горячки. Наташа бегала, звонила, подписывала и совещалась. Маленькие дела, в разное время отложенные «на потом», собрались вместе и чуть не одолели её совсем. Пришлось даже подклеить к странице ежедневника ещё один листок, чтобы всё записать и ничего не упустить.

Она пришла домой, приняла душ и легла в постель. Уже засыпая, вздрогнула и проснулась: показалось, что снова, как вчера, уснула в кресле.

Перевернулась на другой бок, закрыла глаза, взяла с полки книгу. Это было мягкое прикосновение дрёмы: книга, такая реальная и даже тяжелая, с плотными, чуть желтоватыми страницами, была порождением сна.

Книги, которые мы видим во сне – это наш диагноз. Только его нелегко прочитать. В этой книге можно было разобрать отдельные слова: «соль», «торшер», «змея». Наташа встряхнула страницу. Слова перемешались, сложились в новые строки. «Документальное... цирковое...» Только что перед ней было целое связное предложение, и вдруг оно рассыпалось, некоторые буквы улетели куда-то вниз или вверх. Наташа висела в воздухе, в абсолютной пустоте. Она снова встряхнула книгу. «Бураборабомбабанбамамбабимбабомбобо!» – было написано там. Наташа сразу поняла, что имел в виду автор этого слова, но книга вздрогнула, буквы снова поменялись местами, и теперь уже было ничего не разобрать: стоило только пристально взглянуть на любую из этих букв, как она тут же становилась нечитаемым символом. Наташе в руки попала книга-калейдоскоп, книга-игра, но кто кем играет – было уже не вполне понятно.

«Хорошо бы сделать такую флеш-игру, – подумала Наташа. – Завтра принесу эту штуковину на работу, покажу нашим». Книга тут же исчезла – стоило подумать о работе. Наташа больше не висела в воздухе. Она лежала на кровати и смотрела в потолок.

Закрыла глаза, перевернулась на другой бок. Но мысли о работе перевернулись вместе с ней. Легла на живот. Работа надавила на затылок чугунной плитой. Легла на спину. Работа попыталась силой овладеть ею. «Я сплю!» – подумала Наташа и уснула.

Вот проясняется картинка, словно подёрнутая туманом. Наташа стоит на знакомой улице, вымощенной мокрым камнем. В окнах отражается небо: теперь она знает, что всё дело в специальной плёнке, которой заклеены стёкла. Слышен тонкий, почти хрустальный перезвон, из-за угла бесшумно выезжает диковинная конструкция. Этакий велосипед о семи колёсах разной величины. В седле сидит невиданной красоты фея, закутанная в несколько тончайших, полупрозрачных покрывал, развевающихся на ветру. В руках у феи два рычага, которые, видимо, и приводят в движение её «велосипед». Фея глядит свысока и, встряхнув длинными, чуть розоватыми волосами, перевитыми стеклянными цепочками, сворачивает во двор. Снова слышен тонкий перезвон.

Наташа легла спать в старой линялой футболке и, вспомнив об этом, в ужасе опускает глаза вниз. Уф. Не опозорилась! На ней – платье, сшитое из чёрных и белых квадратов. По этой шахматной доске бродят ферзи, офицеры, слоны и пешки. Непостижимым образом они передвигаются с места на место строго по правилам, но словно не замечают друг друга. Вместо того чтобы смещать с доски фигуры противника – проходят их насквозь. Наташа попробовала сбить с пути одну очень целеустремлённую пешку, и тут только поняла, что это не фигуры, а тени фигур. «Наверное, шахматы лежат в коробке и видят меня во сне», – решила она.

Наташа очень быстро забыла про своё новое платье, потому что дорога, мощенная мокрым камнем, вела вниз, под горку, и было так здорово бежать по ней; нет, не бежать – почти парить в воздухе, лететь куда-то вниз, в неизвестность.

Она добежала до белого кружевного мостика, изящно повисшего над узким кривым переулком. Мост казался хрупким, и Наташа шагала осторожно, чтобы не повредить его.

«Какого чёрта, я же во сне!» – внезапно подумала она. Подпрыгнула, топнула изо всей силы – непрочная с виду конструкция не шелохнулась. «А если так?» – Наташа лягнула фарфоровые перила. По матовой белой поверхности поползли трещины. «Ой, ой, извини меня, маленький!» – спохватилась Наташа и погладила рукой фарфор, словно пытаясь стереть следы своего преступления. Под её руками перила срослись, словно и не было никаких трещин.

Мост привёл на широкую улицу с четырёхполосным движением. В центре медленно, степенно двигались двухэтажные строения, похожие на садовые беседки на гусеничном ходу. Ближе к тротуару бесшумно проносились многоколёсные велосипеды разных цветов, конструкций и форм. На одном Наташа смогла насчитать более двадцати колёс. Если приглядеться внимательно, можно было заметить, что некоторые колёса не вращаются, а прикреплены к раме просто так, для красоты.

«Кто бы мне объяснил, что всё это значит?» – подумала Наташа и огляделась. Стена ближайшего дома показалась ей менее плотной, чем остальные, и она прошла сквозь неё, как нож проходит сквозь кисель.

Улица, находившаяся по ту сторону дома, напоминала две старинные крепостные стены, выстроенные друг напротив друга. В стенах на разной высоте были выдолблены ниши, похожие на ласточкины гнёзда. В каждом гнезде стоял столик, за столиками сидели цветные тени и вкушали пищу. Туда-сюда сновали тени официантов на ходулях разной высоты.

В отдельном «гнезде» на уровне второго этажа устроился знакомый зеленоволосый тип. Он тоже узнал Наташу и помахал ей рукой.

«Интересно, как я туда попаду?» – задумалась она.

«Да я же во сне!» – и просто сделала шаг. Всего один маленький шаг вперёд – и она уже сидит за столиком в уютной прохладе каменной ниши. Можно погладить старинную кладку. Кладка урчит от удовольствия.

– Извините, что швырнул в вас одеяло, – смущённо сказал зеленоволосый.

– Одеяло?

Собеседник привычным жестом заправил за ухо зеленую прядь и неуверенно произнёс:

– Вчера утром. Я проснулся – и вы были в моей комнате. Вы были там?

Он смутился – забегали глаза, дрогнули руки. Нормально так – заявить незнакомой барышне, что она вчера была у него, когда он проснулся!

– А, сейчас вы тоже спите! – догадалась Наташа.

– Нет.

Разговор зашел в тупик. Собеседник вооружился столовыми приборами непонятного назначения и приступил к приёму пищи. Наташа выглянула из ниши. Должно быть, здешние жители выше обычных людей: предметы мебели, дома, велосипеды слишком велики. Наташа сидит на обыкновенном стуле и не дотягивается ногами до пола, а она ведь «дылда». При этом всё вокруг кажется хрупким, но она не чувствует себя как слон в посудной лавке: здесь очень, очень просторно. Есть где слону развернуться! Слон разворачивается и задевает локтем какую-то вазочку с тремя носиками. Зеленоволосый успевает подхватить её.

– Как всё-таки зовут вас? – повторяет он. Видимо, он уже не раз об этом спрашивал, просто Наташа засмотрелась и замечталась.

– Наташа.

– На-та-ша, – словно пробует на вкус каждый слог.

– Н-а-т-а-ш-а, – повторяет он ещё раз, и теперь будто ощупывает буквы пальцами. Буквы висают в воздухе, вылепленные из воздуха же, но видит их только Наташа. Буквы исчезают, когда она задаёт встречный вопрос:

– Ну а вас как зовут?

– Рыба.

– Рыба???

– Теперь, когда мы назвали друг друга по имени, можно переходить на «ты», – деликатно сообщает собеседник, откладывает в сторону крючкообразную вилку, отодвигает тарелку на гнутых фарфоровых ножках.

– Перехожу. Тебя действительно Рыба зовут? Но ты совсем не похож на рыбу!

В самом деле, он больше похож на птицу. На взъерошенную морскую птицу, то и дело поправляющую перья.

– Ты знаешь, как выглядит Рыба? – с сомнением спросил собеседник.

– Что я, рыбу не видела? Видела, конечно. Разную рыбу. Рыбу вообще. С плавниками и хвостом. Она пучеглазая такая.

– А, нет, это недопонимание, – ответил зеленоволосый и по-птичьи уткнулся подбородком в плечо.

– Какое недопонимание, алё? Ну, рыба же – это... кит. Ставрида! Стерлядь! Лабардан! Корюшка! Ряпушка!

Рыба зажмурился и помотал головой.

– Животное такое? У вас есть животное, которое называется рыба? – спросил он, немного подумав.

– Ну да, да, животное! Животное рыба! А у вас что, животное рыба не водится? Наверняка водится. Я тебе покажу потом. Она в реке плавает. У вас есть река, или какая-нибудь большая вода?

– Есть. Пошли.

Рыба перестал делать вид, что его интересует завтрак. На нём опять был этот невероятный костюм, скреплённый тысячами металлических крючков. Под некоторыми крючками скрывались карманы – Рыба достал из одного стопку блестящих семиугольников и оставил на столе рядом с тарелкой.

В следующее мгновение они уже шли по тенистой аллее.

– Наташа! Ты меня слышишь? – повторил Рыба и дотронулся до её плеча.

– Я...

– Ну так вот. Вообще-то Рыба – это легендарный завоеватель. Из западных варваров. Такой легендарный и древний, что про него можно говорить: «из западных варваров». И это не оскорбляет чувства жителей наших западных территорий. Рыба был третьим сыном в семье, и с западного наречия его имя так и переводится – третий сын.

– Ты – третий сын?

– Да, у моего отца я третий. Младший. У матери тоже третий. Но – старший. Отец был историком. И велел моей матери назвать меня Рыба.

– А меня назвали в честь бабушки. Она не была завоевателем или варваром. Она работала врачом в детской поликлинике. Все её очень любили. Братьев у меня нет, есть сестра, младшая. Но сейчас она живёт в другой стране.

Дорожка, по которой они шли, вильнула и стала круто спускаться под землю, в пещеру. На серых каменных стенах висели граффити в золоченых багетах. Вымощенная треугольными плитами дорожка постепенно превратилась в устланный ковром коридор, стены скруглились, потом расступились – вот уже и берег реки.

– Какой красивый тоннель! – восхищённо сказала Наташа.

– Тоннель? – переспросил Рыба. – Что это?

– Ну, когда мы спустились вниз и там шли. Где картины висят, а потом ковры!

– Мы, кажется, шли по улице. Потом вышли на набережную и спустились сюда. Не было никакого тоннеля, чтоб меня ветром унесло!

Поросший синей травой берег отлого спускался к реке и превращался в узкий песчаный пляж. «А вот и был!» – подумала Наташа и подошла к воде.

– Как называется эта река? – спросила она.

Рыба вытянул губы в трубочку и изобразил языком такой странный звук – ну точно как рыба по воде хвостом плеснула.

– Старое название, местное, – пояснил он. – Река – это граница города.

– Город такой маленький?

– Так ведь столица Империи. Не каждый имеет право тут жить. Только потомственная аристократия. Ну и те, кто делает их жизнь уютной. Как я.

– Ты – да. Рядом с тобой очень уютно.

– Рядом с тобой тоже. Так что же река знает о Рыбе?

Наташа поглядела вниз, в прозрачную глубину. В такой реке наверняка водятся здоровенные зубастые щуки и огромные замшелые карпы. По воде пошли круги. Проплыла черепашка. Ящерка. Мышка. Кошка. Водная жизнь кипела вовсю. Но рыб тут точно не было.

– Эта река ничего не знает о рыбах, – сказала Наташа. – Я тебе потом покажу.

– Тогда мне пора на работу, – без всякого перехода объявил новый знакомец.

Наташа решила составить ему компанию – это было как что-то само собой разумеющееся. Ведь во сне никому не нужен пропуск.

Они прошли немного по берегу реки (Наташа окончательно убедилась, что рыба здесь не водится), а потом оказались в уже знакомом прозрачном пассаже. По центру прогуливались человеческие существа, которые сделали бы честь любому карнавалу или конкурсу красоты среди фриков. По обе стороны от променада в прозрачных, ярко освещенных кабинках мелькали тени. Рыба подошел к одной из таких кабинок, пустой и темной, приложил ладонь к кругу, ещё более прозрачному, чем сама стена – и внутри загорелся свет, а затем открылся проход.

Они вошли в помещение. Это была небольшая каморка, одновременно похожая и на лавку, и на мастерскую. Вдоль стены, обращенной лицом к променаду, тянулся то ли рабочий стол, то ли прилавок. Рядом стояло кресло на длинной ножке. Сиденье и спинка казались вылепленными из пластилина неумелой детской рукой. «Какой интересный дизайн!» – подумала Наташа, и тут Рыба одним движением смял подлокотники и вытянул спинку. Кресло послушно приняло заданную форму.

На торцовых, непрозрачных стенах висели шкафчики, целиком выточенные из незнакомого материала, напоминающего графит, и деревянные, крашенные в белый цвет полки разной формы и размера. Рыба выдвинул самую нижнюю полку, как ящик стола, и та оказалась скамейкой. Наташа осторожно присела.

Словно повторяя движения, заученные много лет назад, Рыба не глядя протянул руку вверх и разместил на уровне глаз широкий плазменный экран в медной резной раме, прикрепленный к потолку с помощью шарнирной конструкции. На экране появилось изображение хрустального цветка, или, вернее, хрустальной чашки в форме распустившегося бутона. Рядом с чашкой было нацарапано что-то неразборчивое. Тот же шрифт, что и в книге, которую, засыпая, пыталась читать Наташа.

Как будто позабыв о том, что он в мастерской не один, Рыба натянул нарукавники из непромокаемой плотной ткани, достал из шкафчиков коробочки, плоские, крючки и шпатели и разложил их на столе-прилавке. Потом вынул из блестящего, похожего на холодильник контейнера что-то вроде серого пластилина. От пластилина поднимался морозный пар. Рыба подул на пальцы, провёл рукой над куском серой массы, затем при помощи шпателей и крючков отделил небольшую часть, остальное убрал обратно в контейнер. Поставил серое, бесформенное на стол перед собой, мельком глянул на плазменный экран – и вдруг его руки быстро-быстро забегали по поверхности пластилинового бруска. Наташа не выдержала и поднялась с места. Сделала несколько робких шагов вперёд, вытянула шею. Кусок серой массы ожил, он, казалось, дышал,

постепенно превращаясь в чашку – тонкую, затейливую, как цветок на экране. Рыба действовал уверенно – словно хрупкая посуда невидимым контурным карандашом была нарисована в воздухе, и его пальцам только и оставалось, что следовать этим контурам.

Резкий рывок – у чашки появляется ручка, как будто естественным образом выросшая из тела стеклянного цветка. Всё прозрачнее и прозрачнее, всё тоньше и тоньше чашка, скоро она станет совсем призрачной, исчезнет, растает в воздухе. Но Рыба знает, когда надо остановиться. Вот он замер. Накрыв работу ладонями, словно пытаясь защитить её от посторонних взглядов. Сосредоточился, нахмурился, закрыл глаза и перестал дышать. А потом убрал руки. Даже не убрал – уронил небрежно. Перед ним на столе стоял тончайший, совершенно прозрачный цветок, на дне которого, словно крошечная плавающая свечка, сиял маленький живой огонь.

Наташа подошла совсем близко, чтобы понять, откуда взялась свечка. Но это была не свечка – это сияла изнутри сама чашка.

Рыба сидел у стола, полуприкрыв глаза, и тщательно вытирал руки промасленной тканью.

– Ты... это... – сказала Наташа.

– Да, это и есть моя работа, – подтвердил Рыба.

– Наверное, очень трудно лепить такую тонкую посуду? – тупо спросила Наташа и потянулась вперёд. Но рука её замерла на полпути: слон в посудной лавке, одумайся, что делаешь ты?

– Лепить? – повторил Рыба. – Это не совсем «лепить». Это – доставать из материи. И это совсем не трудно. Трудно – вернее, неприятно, ну, знаешь, тоскливо, как от потери, – видеть несовершенный комочек на месте будущего цветка. Но от этого работа идёт быстрее.

Промасленная ткань отложена в сторону, ей на смену пришло жесткое шерстяное полотенце.

– А огонёк? – допытывалась Наташа. – Откуда берётся огонёк на дне? Это какой-то состав?

– Это не состав. Это – я. Каждую чашку я делаю на заказ, для какого-то человека. Точно знаю – для кого. Когда работа готова, я мысленно произношу его имя, и на дне появляется свет. Однажды я смог это сделать. Не знаю как, но смог. И могу до сих пор.

– А что ты чувствуешь, когда зажигаешь огонь?

– Чувствую? Не знаю. Нельзя отвлекаться от такой работы. Если задумаешься над тем, что ты сейчас чувствуешь, или над чем угодно ещё – ничего не получится. Материал будет испорчен, всё придётся начинать заново. Но кажется, что всякий раз я достаю этот свет из себя. И если в день сделаю больше трёх чашек – с трудом добираться до дома.

– А можно... можно потрогать? Я не разобью её? – спросила Наташа и снова потянулась к стеклянному цветку. Плюшевый слоник не способен причинить вред посудной лавке, ведь правда?

– Материя очень холодная, она быстро нагревается. Когда нагреется окончательно – застывает и становится необыкновенно прочной. Держи.

Наташа взяла чашку двумя руками, как ребёнок, и стала смотреть на огонь, мерцающий на дне. Рядом с ней сидел человек, который живёт не зря. Он умеет делать прекрасное из ничего, из серого уродливого пластилина. Рыба что-то говорил о своём тёзке – варваре-завоевателе, о холодной материи, которую добывают в горах...

Наташа сжимала чашку в руках, пока не проснулась под привычную трель будильника. И в первые мгновения после пробуждения ещё видела в своих ладонях зажженный Рыбой огонь.

Глава восьмая. Наташа и её команда

Воин духа сдержал слово и поговорил с Мамой. Более того – Мама подписала составленную Весёлым служебную записку о непредвиденных расходах на проект «Trendy Brand». И через несколько дней после встречи, породившей первую в мире социальную сеть, предназначенную для продвижения отдельного продукта, Наташа уже принялась за дело.

«Для того чтобы в вашем болоте забурлила жизнь, там уже должна бурлить жизнь!» – загадочно сказал Гогога, но Наташа его поняла.

Для создания эффекта «бурлящей жизни» она написала наверх обоснование с просьбой выделить ей трёх помощников для наполнения сети интересным содержанием. Обоснование получилось толковое, и можно было рассчитывать на то, что одного помощника ей точно выделят. Наверху расщедрились и дали двоих. Разрешили даже спуститься на шестой этаж и выбрать людей самостоятельно.

На шестом этаже Наташа оказывалась нечасто. Это был лягушатник, детский уголок. Здесь работали новенькие, состав менялся постоянно – кого-то забирали наверх, в команды, или спускали вниз, на проекты. Но большинство уходило, так и не поняв, что они тут делали, что писали, что генерили, о чём договаривались, было ли это задание испытательным и принесли ли их труд хоть какую-то пользу.

Шестой этаж постоянно ремонтировали, причём как-то причудливо. То возьмут и выкрасят часть стены в коридоре. То соединят несколько кабинетов, выломав картонные перегородки. То выделяют отдельное помещение подающему надежды молодому гению или кому-то из дальних родственников Прямого. На шестом этаже можно было спрятать три класса обычной общеобразовательной школы, и даже опытные педагоги не смогли бы найти детишек.

Наташа спускалась на шестой этаж только по лестнице. Ей казалось, что лифт навсегда затянет её в этот мир бессмысленных действий и бесконечного ремонта. И будет она бегать от кабинета к кабинету, перекладывать бумажки и проситься на волю. А молодые и подающие (или не подающие) надежды дарования будут сменяться, сменяться, будут лететь листки календаря, жизнь закончится, а она так и не найдёт выхода.

Наташа открыла дверь на лестницу, малодушно подперла её заранее припасённым коробком со скрепками. На случай, если придётся отступать – пусть двери, ведущие наверх и вниз, туда, где вечно курят лучшие люди офиса, которым наплевать на своё здоровье и на косые взгляды ханжей, – пусть эти двери будут открыты.

На шестом этаже, как всегда, пахло краской. На этот раз белили потолок. Но у Наташи было такое дело, что никакой потолок не мог её отвлечь. Она шла забирать свою команду в их личный, отдельный кабинет на седьмом этаже. Шла спасать из этого чистилища невинные души.

Одна душа сидела в проходном кабинете, этаким оупен-спейсе для бедных, спиной к двери, на самом сквозняке. Хуже места не придумаешь. Особенно для человека, который хотел бы оставаться в тени.

Вторая душа сидела на подоконнике и болтала ногами. У неё вообще не было своего компьютера, а ноутбук запретила использовать служба безопасности: вдруг душа утащит ценные документы. Но она не жаловалась, а послушно ждала, когда освободится какое-нибудь рабочее место – хоть на полчаса. Тут она живо докажет свою нужность и полезность общему делу, и её незамедлительно возьмут живьём на небо – на седьмой этаж.

С неё-то Наташа и решила начать.

– Моя бабушка запуталась в реалиях! – размахивая руками, говорила ни о чём не подозревающая душа. – Рассказывает подругам, что я работаю кооператором. Я говорю – бабуля,

не кооператор, а копирайтер. А она – отстань, я плохо слышу, лучше скажи, когда ты замуж выйдешь?

Слушатели засмеялись.

Наташа, никем не замеченная, стояла у входа в кабинет и листала досье, подготовленное отделом кадров.

«Екатерина Попова. Возраст, образование, опыт работы – минимальны.

Должность – копирайтер на посылках».

Чуть ниже, аккуратным почерком бренд-менеджера Мити, знающего всё про всех, было приписано: «Приехала из Архангельска. Также известна как Кэт Матроскина. Зови её Кэт – в благодарность будет выкладываться по полной программе. Ходит в тельняшке, бушлате и клешах. Макияж выдержан в цветовой гамме “девятый вал”. Костюмы шьёт сама, по вдохновению. Говорит, что больше двух вечеров подряд за швейной машинкой просидеть не может, потому что скучно. Наверное, и в работе так же, но я с ней не работал».

– Кэт, собирайся, – скомандовала Наташа, – я пришла сообщить тебе преприятнейшее, а остальным – пренеприятнейшее известие. Я тебя забираю на свой проект.

Кабинет взвыл. Кэт прыгнула с подоконника, отвесила Наташе почтительный поклон и пошла обниматься с бывшими коллегами. Посыпались поцелуи, напутствия, подарки, обещания.

– Подарков ей побольше дарите, – посоветовала Наташа, – у нас пустой кабинет после ремонта, Мама канцелярии выписала по минимуму, как неродным. Соберешься – поднимайся на седьмой. Комната 712.

Кэт преданно посмотрела на неё и приложила руку к воображаемой бескозырке.

В коридоре краской пахло уже просто нестерпимо. Свежеокрашенный потолок грозил пролиться на головы водоэмульсионным дождём.

Наташа выскочила на лестницу, подбежала к распахнутому окну. За окном цвело начало лета. Удушающая жара ещё не пришла в Москву, лёгкий ветерок перебирал волосы и страницы досье. Наташа решила освежить в памяти сведения о втором сотруднике.

«Марина Безъязыкова. Возраст – уже не такой, чтобы оставаться подмастерьем. Образование – целых два, оба не применимы на практике. Опыт работы – разнообразный. Должность – контент-координатор младшего звена».

Бренд-менеджер Митя добавил от себя следующее: «Я её зову Мара – исчадие кошмара. Она всю жизнь изучала какие-то мёртвые языки и исчезнувшие культуры, поэтому сама выглядит как представитель вымирающего народа. Богиня плодородия, которой уже много лет никто не приносит жертвы. Платье напоминает футляр от контрабаса, в котором прорезали дырки для головы и рук. Бижутерия такая, что сороки в Таганском парке, завидев её, пугаются и падают с веток. Постоянно влюбляется в артистов и артисток. Два месяца любила Лайзу Минелли, так нормальным человеком была, с ней даже поговорить было о чем, а потом влюбилась в какого-то японского микки-мауса с глазами как плоски».

Наташа набрала в лёгкие побольше чистого воздуха и вернулась в отравленную краской и неопределённостью атмосферу шестого этажа. Ввинтилась в нужный кабинет и тут же поплотнее закрыла за собой дверь, чтоб не впустить внутрь ядовитый запах. Поискала глазами Марину Безъязыкову и с досадой отметила, что выбрала не самый удачный момент для первого знакомства.

За спиной у специалистки по исчезнувшим культурам торчала долговязая и нескладная Вундеркинд Маша.

Вундеркинд Маша не была слишком умной для своего возраста или даже просто умной. Но она, наверное, с самого детства знала, как и с кем следует общаться. Перед кем склонить голову. Кому продемонстрировать абсолютную преданность. Кому снисходительно улыбнуться. На кого взглянуть свысока. Об кого вытереть ноги. Кем пренебречь.

Она меняла тембр голоса, умела даже как-то съёжиться перед начальством или вырасти над тем, кто ниже её по статусу. О повышениях по службе Вундеркинд Маша узнавала раньше всех. Даже не узнавала – чувствовала каким-то особым чутьём, и тут же меняла отношение к человеку. Она не говорила ничего лишнего – кроме тех случаев, когда сказать что-то лишнее было выгодно. Тогда она тщательно отмеряла это «лишнее».

Даже с равными она была «на равных» по-разному. Гогога был равным, но безобидным – позволительно посмеиваться над ним. Бренд-менеджер Митя был равным, но опасным – следует быть начеку. Наташа была равной, но на хорошем счету у начальства – побольше патоки в голосе, глаза dolu.

При всём при этом Вундеркинд Маша была прямой и честной девочкой, и никогда не скрывала своих целей. «Вы пришли сюда работать. А я – делать карьеру!» – говорила она «равным», когда от неё ждали, что она скажет что-то «лишнее». «Я и вас всех сделаю!» – добавляла она, когда собеседники хотели новых откровений.

– Я повторяю свой вопрос, – ледяным тоном произнесла Вундеркинд Маша. – Сколько у нас просмотров?

– А я повторяю свой ответ, – раздраженно бросила Мара. – Восемьсот с чем-то.

– А надо было сколько? – иезуитски поинтересовалась Маша.

– А сколько? – собеседница сделала вид, что запомнила.

– Надо – тысячу. Неудовлетворительно. Либо чтоб до вечера тысяча была, либо я тебя снимаю с проекта, и деньги за работу ты не получаешь.

Прочие сотрудники вжались в свои стулья и мониторы, стараясь не видеть и не слышать то, что происходит рядом с ними.

– Очень сложно заставить людей посмотреть в Интернете обычный рекламный ролик, если они и телевизионную рекламу стараются выключать, – осторожно сказала Мара.

– Это всё отговорки!!! – взвилась Вундеркинд Маша. – Нет задачи, чтоб они смотрели! Главное – клики! Клик-клик! Тысяча заходов – деньги есть. Нет тысячи заходов – нет денег.

– Тысяча – это такое волшебное, магическое число? Как только мы достигнем тысячи просмотров, наш унылый ролик превратится в прекрасный золотой «Ролекс»?

– Для тебя сейчас – волшебное и магическое. Стоит вопрос о твоём увольнении!

– А вот и не стоит, – решила вмешаться Наташа.

– Ой, Наташечка, я тебя не заметила. Такой аврал! Давай я к тебе забегу минут через десять? Чаю попью. Мне друг гватемальские сладости привёз – м-м-м!

Как изменилось её лицо – удивительные мимические способности. Ранние морщины при таких способностях обеспечены.

– Заходи, конечно. Поедим сладостей. А то я что-то медленно вес набираю, всего по полкило в месяц, – кивнула Наташа. – Но имей в виду – я забираю этого сотрудника. С завтрашнего дня она на моём проекте.

Мара скептически взглянула на Наташу и поинтересовалась:

– Прямо так забираете? И даже зубы не посмотрите?

Наташа уткнулась в досье, чтобы скрыть улыбку. Вундеркинд Маша сделала большие глаза и с нажимом произнесла:

– Наталья Ермолаева – лучший сотрудник агентства по итогам прошлого месяца и твой ангел-избавитель. Но если до вечера не будет тысячи просмотров – денег не получишь. Наташечка, ну так как насчет чая? От гватемальских сладостей не полнеют, они сделаны из натуральных продуктов, а не из химии всякой.

– В другой раз, у меня тут дел... – Наташа развела руками, как бы пытаясь объять необъятное. Вундеркинд Маша мелко закивала головой и попятилась к выходу. Наташа поглядела ей вслед: какое-то излишнее подобострастие. Уж не повысят ли Наталью Ермолаеву в должности?

Затем она наклонилась к Маре:

– У нас будет большой проект, надолго. Завтра ты мне уже нужна. Седьмой этаж, отдельный стол у окна.

Мара отнеслась к перемене участи бесстрастно, как и подобает специалисту по древностям, далёкому от сиюминутной суеты.

– Пришлѐшь ссылку на этот ролик? – спросила Наташа.

– Зачем?

– Другьям кину. Наберѐм мы ей тысячу просмотров.

– Вам-то это зачем?

– Не знаю, – пожала плечами Наташа и положила на стол визитку. – Мой адрес. Ссылку не забудь кинуть, прямо сейчас. А завтра – кабинет 712.

Они всё-таки набрали тысячу просмотров – все вместе, и не без помощи Кэт. И отметили это чаем с гватемальскими сладостями.

Прошло лето, наступил сентябрь. Кабинет 712 стал жилым и живым: на прощание коллеги подарили Кэт столько подарков, что она три раза спускалась за ними на лифте с седьмого этажа на шестой: теперь канцелярии хватит до конца проекта, и не нужно унижаться перед Мамой. А Мара увешала стены портретами звѐзд кино, эстрады, театра и балета – чтобы было, на чём отдохнуть глазу.

Социальная сеть «Trendy Brand» наполнялась жизнью: никто бы не поверил, что от имени нескольких сотен участников пишут всего два человека.

Кэт и Мара трудились на славу, но Наташе всё время казалось, что они халтурят.

Вот она распахивает дверь в кабинет. Тишина. Ни одна клавиатура не шелестит. Мара в наушниках уставилась в свой монитор, Кэт рассматривает выкройку в журнале.

– Чего сидим? Кого ждѐм? – поинтересовалась Наташа.

– Так сделали уже всё, барыня! – отрапортовала Кэт. – Чего делать новое, ты скажи нам.

– Сами не маленькие, должны как-то ответственность проявлять. Написала всё на сегодня – пиши заготовки на завтра. Плох тот копирайтер, который не стремится к большему! – наставительно сказала Наташа, усаживаясь за свой стол.

– Плох тот копирайтер, который не мечтает стать Виктором Пелевиным, – тут же подхватила Кэт. – Наверное, я плох. Но я уже стал всем, кем хотел.

– А в будущем? В будущем ты совсем никем не хочешь стать?

– Ну, в будущем. Будущее будет нескоро. А может, и никогда. Чего о нём думать? Я настоящее люблю, – потянулась Кэт.

– А семья? Не будешь же ты вечно порхать с вечеринки на вечеринку? Однажды надоест.

– Ну вот, тебе надоело – и где твоя семья?... Ладно, извини. Семья... Семья – это сложно. Я, может, хотела бы стать подружкой гения. Только кто же мне так запросто даст гения в личное пользование? Гений – он же сидит-сидит тихонько, а потом – раз! – и все видят, какой он гений. И вокруг него уже тройной кордон из подруг – будущих, бывших и не теряющих надежду. А по левую руку стоит какая-нибудь кикимора с базуккой и отстреливает слишком уж борзых. Меня первую и пристрелит.

– У тебя такая каша в голове!

– Главное, что без топора.

– И язык без костей.

– Зато хорошо подвешен!

– Ладно, тихо. Мне надо посмотреть, что вы сегодня сделали.

– Не доверяет нам барыня, – повернувшись к Маре, сказала Кэт.

Наташа метнула в её сторону ледяной взгляд – перебор.

Мара показала пальцем на наушники, потом на экран – воспользовавшись свободной минуткой, она пересматривала трейлер фильма, в котором снялся её новый кумир.

Наташа листала сообщения, написанные от имени разных людей: не придаться, не догадаться – хорошо работают эти двое. Но чтобы не расслаблялись и не халтурили – надо их держать в постоянном тонусе.

– Ну, неплохо, – сквозь зубы сказала она. – Но есть два замечания. Мара, обрати внимание на своего непосредственного начальника. Да, спасибо. Надо писать интересно, а ты пишешь непонятно. Попроще нельзя?

– Проще не будет интересно. Чтобы всё это понять, достаточно нормального среднего образования.

– Короче, ты меня услышала – попроще. У нас молодёжная сеть, а не выпендрёжная. Теперь к вам, мадемуазель Каша-без-топора-в-голове. Можно поменьше этих непонятных выражений?

– У нас же молодёжная сеть, – огрызнулась Кэт, – это сленг, все его знают.

– Заказчик не знает! Если он посмотрит и ничего не поймёт – у нас будут проблемы.

– Так мы для заказчика работаем или для аудитории, которую надо привлекать? – уточнила Мара.

– Аудиторию надо привлечь! – отрезала Наташа. – А заказчику – понравиться! Ну, соберитесь! Вы же профессионалы у меня! Постарайтесь, как вы умеете!

Глава девятая. Гора по имени Оруэлл

Середина недели – наивысший пик усталости. Надо только донести голову до подушки, и глаза закроются сами собой, и тело станет прозрачным и невесомым, и заструится по комнате колдовской туман. В тумане этом невидимые рабочие сцены быстро-быстро сменяют декорации, глядишь – и нет уже никакой комнаты, нет и тумана, он почти рассеялся, и сквозь него явственно проступают черты незнакомого, но узнаваемого города.

Наташа стояла посреди улицы. Тени теней плясали на тротуаре. По обеим сторонам высились невероятно узкие трёхэтажные домики, собранные из узорчатых металлических конструкций. Тонкий, но прочный металл был кипенно-белым, отчего постройки казались кружевными. Из кованных кружев в самых неожиданных местах выглядывали окна, в которых навсегда застыло отражение неба над каким-то городом в горах.

Это небо во всех окнах – единственная недоработка здешних градостроителей. А если девушке хочется увидеть своё отражение? Наташа опустила глаза вниз – сегодня на ней были хрустальные туфельки, не уступающие изяществом кружевным домам, и при этом удобные, как старые разношенные кеды. Потом случилось нечто странное: она словно раздвоилась, разом превратилась в наблюдателя и объект наблюдения, и с восхищением взглянула на себя со стороны. Хороша! Стеклоплатформенное платье-колокол чуть выше колена сидело идеально. Только под дивным этим прозрачным колпаком не было никакой другой одежды. Молодец, что тут ещё скажешь! Вышла в город практически голышом! Но стыда не было – только досада на собственную неосмотрительность.

Редкие прохожие не обращали на неё никакого внимания. То ли тут модно так расхаживать, то ли они просто не видят её. А те, кого не видит она, должно быть, ужасаются – или восхищаются. Лучше не думать об этом и просто идти вперёд, как ни в чём не бывало.

Наташа завернула за угол и наткнулась на Рыбу, который будто поджидал её, кутаясь в чёрный, как у Зорро, плащ. Не говоря ни слова, он великолепным движением сорвал с себя этот плащ и накинул Наташе на плечи. Чёрная ткань приросла к стеклу, вернее будет сказать – впиталась в него, как краска – и Наташа стала обладательницей маленького чёрного платья на жестком каркасе.

– Ты настоящий волшебник, – смеясь сказала она Рыбе. Но его нигде не было – ни рядом, ни там, в конце свивающейся спиралью длинной улицы.

Наташа вернулась под сень кружевных домов. Рыбы не было и здесь. Подул лёгкий ветерок, и металлические конструкции запели – каждая на свой лад.

– Улица поющих кружев, – восхищённо сказала Наташа, и вязь незнакомых букв на стене, словно переключившись в нужную кодировку, сложилась в разборчивую фразу: «Улица поющих кружев». Чуть ниже висела табличка с надписью «Закрыто-открыто». Наташа подошла поближе, дотронулась рукой до диковинного объявления. От её прикосновения первое слово оттаяло, потекло вешними ручьями и проросло новым смыслом: «Заходите – открыто».

Наташа нырнула под кружевную арку, прошла сквозь поющую галерею и увидела Рыбу. Он стоял возле прилавка в крошечной лавочке и сыпал в позеленевшую от времени медную тарелку металлические многоугольники. А вокруг висели шляпы, шапки и колпаки. Невероятные, немыслимые, совершенно непрактичные, они заполняли всю лавочку. Шляпы свисали сверху в виде светильников, шляпами были обиты прилавки и стены, и за кассой (больше похожей на смешной колпак с тремя ушами) тоже, кажется, стояла высокая стройная шляпа...

В следующее мгновение Наташа и Рыба уже шагали вдвоём по кружевной улице. Эпизода с плащом и стеклянным платьем словно не было вовсе – а может быть, он просто приснился

Наташе. Не так, как снится Рыба и его город, а просто приснился, как прежде снились ничего не значащие, не связанные между собой вещи и события.

– Я рад, что ты снова здесь. Давай ненадолго остановимся. У меня есть для тебя подарок, – сказал Рыба. Расстегнул крючки на одном из своих многочисленных карманов и достал широкую атласную ленту. Этой лентой, как бинтом, он плотно обмотал Наташину голову, а затем скомандовал:

– Ну, укладывай, укладывай же! Скорее, пока оно не запомнило эту форму!

– Какую форму? Что укладывать? Куда?

– Положи руки. Они сами знают.

Наташа не стала уточнять, кто именно «знает» – её руки или ленты, послушно приложила ладони к повязке и почувствовала, как под её прикосновением она превращается в капор.

– Вот так хорошо. Теперь никто не сойдёт с ума, – удовлетворённо констатировал Рыба.

Они свернули во двор с глухими гладкими стенами без окон, дверей или хотя бы каких-то выступов. Почти всё пространство двора заполнял белый шатёр, наподобие циркового, только с плоской крышей. Внутри стояли столики, и каждый был точной копией большого шатра. Вокруг столиков располагались ещё более мелкие шатры-табуретки. Рыба придирчиво выбрал место, как выбирают на рынке арбуз, и заказал себе разноцветной еды, похожей на пластмассовые пилюли из набора «Юный доктор».

– Ты сказал, что теперь никто не сойдёт с ума, – напомнила Наташа. – А почему кто-то должен был?

– Твои волосы, неестественные... – улыбнулся Рыба, чтобы скрыть неловкость, но, поймав её взгляд, проглотил окончание фразы вместе с разноцветным пилюлями.

«Кто бы говорил! – подумала Наташа. – Зеленоволосый панк-переросток!»

Месяц назад у неё было жуткое настроение – пришлось применить испытанное средство женщин всех времён: выкрасить волосы. Она выбрала ярко-красный оттенок, и он очень утешал её всё это время. Надо же было так сказать – «неестественные»!

– У тебя очень красивые волосы! – спохватился Рыба. – Мягкие, шелковистые. Но этот цвет может свести кого-нибудь с ума.

– А сам зачем выкрасился светло-зелёным? Это никого с ума не сводит?

– Выкрасился? – не понял Рыба. – Я таким родился. А у тебя – не настоящий цвет?

– Нет, конечно. Неужели у тебя – настоящий? – Наташа протянула руку и потрогала непослушную лёгкую прядь. Потом осмотрела подушечки пальцев, словно ожидая, что на них останутся следы зелёной краски.

– Не сомневайся, настоящий, – заверил её Рыба. – Немного редкий для столицы. Но вполне обычный.

– А мой настоящий цвет – такой, знаешь, светло-серый. У нас его называют – «мышиный». У вас мыши, кстати, водятся?

– У меня дома – нет, но вообще...

Оказалось, что мыши везде одинаковые: маленькие, серые, с хвостами и пищат.

– Верни мышиный цвет, – попросил Рыба. – Это очень редкий оттенок. И очень благородный...

Он умолк и заправил за ухо своевольную светло-зелёную прядь.

– У вас что, совсем никто не красит волосы? – продолжала допытываться Наташа.

– Как дикари? Но зачем?

– Для красоты! – отрезала Наташа и, немного помолчав, призналась:

– Я всё-таки не понимаю. Как у человека могут расти такие светло-зелёные волосы?

– А как у человека могут расти такие светло-зелёные глаза? – парировал Рыба. – Или глаза вы тоже красите?

– Нет. Ну, только снаружи. В смысле – ресницы.

– Я и представить не мог, что у людей могут быть такие глаза. Сначала даже не поверил. Тёмно-карий – вот цвет глаз живого человека. Серые глаза рисуют на картинах, если изображают ожившего мертвеца. Синие или светло-синие – глаза духов. Красные – глаза предков, которые приходят в ночи, если они недовольны.

– А зелёные?

– Только у призраков. Но ведь их не существует.

– Так мне глаза надо прикрывать, а не волосы! Я призрак! Я ужас, летящий на крыльях но...

– Глаза – не нужно. Ни один столичный житель не посмеет взглянуть в глаза тому, кто не назвал ему своего имени.

– Когда у всех глаза одного цвета – это скучно. А у вас не пробовали с этим что-нибудь делать? Ну, там, с помощью цветных линз или как-то так?

– Но если глаза у всех – тёмно-карие, кому придёт в голову, что они могут быть какие-то другие? Это всё равно, что носить на затылке третье ухо или на лбу – запасной рот.

– Так, ладно, у меня крыша вот-вот поедет от этих глаз, ушей и запасных ртов. Лучше скажи, почему ты сегодня не уснул ко мне? – сменила тему Наташа.

– Я был у вас. Только не смог тебя найти. Ваш мир такой большой, я сразу почувствовал себя таким маленьким.

– Крошка моя! – не удержалась Наташа. Рыба был на голову выше её.

– Я не имею в виду размеры, – пояснил он. – Там, у вас – такое ощущение тоски и пустоты, как будто человек ничего не значит. Я спускался в подземные поезда и перемещался из вагона в вагон, догонял поезд, идущий впереди, искал тебя там. Я входил в наземные поезда, я чувствовал, что ты рядом, но когда подъезжал к тебе слишком близко – меня выбрасывало из вагона на улицу. И, в конце концов, выбросило в другой сон. Я испугался. Я подумал, что ты умерла, и мы больше никогда не приснимся друг другу. Но я запретил себе думать об этом, пошел и купил тебе шляпку.

– Я не умерла. У нас было заседание за закрытыми дверями. Шесть часов подряд. Мы утверждали макет поздравительной открытки к юбилею нашего самого крупного заказчика. Да, наверное, в какой-то момент я там умерла. И если бы ты не ждал меня здесь – я бы так и осталась мёртвой. Шесть часов жизни десятка людей – в обмен на открытку, которая никому не нужна...

Наташа мотнула головой – не надо жалеть о потраченном впустую времени. Ведь на эту жалость тоже уходит время. Она огляделась по сторонам. Тени, голоса. За столиком неподалёку две темноглазых красавицы с причудливо уложенными волосами светлых оттенков играли в настольную игру, вроде шахмат. Но что-то неестественное было в их лицах.

– Как будто не лица, а застывшие маски, – тихо сказала Наташа. – Маски уникальные, индивидуально сделанные. Но маски, не лица. А вот у тебя – лицо.

– Аристократы и должны выглядеть как аристократы, – пожал плечами Рыба. – У мастеров больше свободы. Мы можем выглядеть как угодно. Да хоть как безродные жители окраин. Главное – делать своё дело. Только делом мы доказываем свою принадлежность к лару.

– Клару? Кто это – Клар?

– Лар – это твоё место в жизни. Аристократами рождаются. Безродными, увы, тоже рождаются. Рождаются земледельцами, торговцами, владельцами собственности. Правителями рождаются. Учеными и учителями. Но мастерами и художниками нельзя родиться. Ими становятся представители всех ларов – если проявят способности. Мой отец был из лара ученых. Мать – из торговцев. Меня воспитывали в доме матери, я должен был стать торговцем, но однажды зажег огонь на дне вазы, которую слепил в подарок матери на день торговца. Я подарил ей эту вазу при всех, и семья не могла скрыть моего умения. Я не знаю, как зажег этот огонь, и до сих пор не знаю, как зажигаю его.

Наташа почти ничего не поняла из этого монолога. Голос Рыбы журчал, он был похож на пение кружевных домов, его хотелось слушать бесконечно, и не было никакого желания искать в этой музыке смысл.

– Мастера – это типа волшебники, да? – наугад спросила она.

– Волшебников не существует. Мастера – это... это мастера. Они... мы делаем вещи. Каждую вещь – особенной. Должно быть, ты родом не из столицы и просто не знаешь порядков. Столичные жители не имеют права пользоваться штамповками. У каждой вещи должно быть своё лицо.

– Надо же, как остроумно поступили ваши власти! – засмеялась Наташа. – Превратили престижное потребление из вредной привычки в тяжелый труд!

– Что такое «престиж употребления»?

– Это удовольствие, которое мы получаем от обладания дорогими штамповками самого нового образца. Партия в миллион миллиардов новых телефонов! Все должны их иметь! Мода на собачек определённой породы! Всем собачку под мышку! Сумки! Туфли! Книги! Кино! Дома! Яхты! Образ мысли!

– У вас научились изготавливать лекала для мысли?

– Нет, это я преувеличиваю уже.

– У нас велись такие разработки. Для безродных жителей окраин, по их просьбе. Им трудно мыслить самостоятельно. Но правительство урезало финансирование этой программы.

– Оруэлл какой-то! – поёжилась Наташа.

– Оруэлл – это, кажется, название горы?

– Да, высочайшей вершины!

Шатёр, в котором они сидели, вздрогнул и начал стремительно увеличиваться в размерах. Уже не видно было крыши и стен, далеко-далеко отброшены другие посетители, вот и Рыба почти скрылся из виду – он где-то там, на противоположном конце огромного стола, и словно не замечает ничего. Шатёр становился горой, высочайшей вершиной по имени Оруэлл, заполнял собой пространство и постепенно каменел.

Последние мгновения сна, как последние мгновения жизни, растягиваются в столетия. Рыба сидит ближе к центру шатра (горы?), он ещё живой, настоящий, а Наташа становится камнем. Последним усилием она кидается к нему – пусть спасёт и вынесет её из этого страшного места, – но скатерть спеленывает ей ноги, и она затихает.

Будильник надывается уже две минуты. Наташа запуталась в пододеяльнике и долго не может из него выбраться. Тело затекло, как будто в самом деле чуть не стало каменным. Выпроставшись из пододеяльника, она садится в кровати и потягивается. Нет, надо покупать ортопедический матрас. На голове какая-то лента. Откуда она взялась? Но вот уже нет никакой ленты, сон ушел, ушел совсем, и новый рабочий день распахивает свои каменные объятия.

Глава десятая. Пять правил Натальи Ермолаевой

Заказчик был очень доволен работой Наташи. Вернее, её отчётами. Наташа сама была ими довольна. Если бы у неё была волшебная палочка, способная обратить любой отчет в реальность – дальнейшая безбедная жизнь была бы обеспечена.

Чтобы почувствовать себя причастным к общему делу, вдохновлённый отчётами заказчик в каком-то свяшенном безумии выписал из Лондона модную клубную группу, солист которой был лицом торговой марки «Trendy Brand». Группе надлежало выступить на концерте, посвященном приходу нового бренда на российский рынок. Этот концерт не был запланирован, не был внесён в смету и в план продвижения. Но лондонские ребята уже разучивали московскую программу, и отменить визит было никак невозможно.

Благодаря связям Весёлого, площадку удалось арендовать по бартеру. Невольникам с шестого этажа подкинули дополнительной неоплачиваемой работы, и всё кое-как устроилось. Вопрос с рекламной поддержкой тоже был решен. Но оставалась ещё уйма неучтенных мелочей, которые падали Наташе на голову, как сочные каштаны – с громким чпоканьем выскакивали из скорлупы и махали ручкой: «Привет, я твоя новая проблема! Пока что я маленькая, но могу вырасти в большое раскидистое дерево».

На прошлой неделе Наташа получила от Весёлого СМС следующего содержания: «Слушаю хор тибетских мальчиков. Это настоящее! Я в них просто влюбился. Привезу записи, но надо видеть живьём. Кстати, у нас на концерте, конечно, будет разогрев?»

Наташа чуть не написала: «Будет, если вы привезёте с собой ваших тибетских мальчиков», но сдержалась и коротко ответила, что проработает этот вопрос в ближайшее время.

Деньги на разогрев удалось выкроить из неприкосновенного запаса, отложенного на призы и подарки. Поразмыслив, Наташа поняла: что-то серьёзное на эту сумму вряд ли удастся купить, значит, придётся поступить как обычно: пройтись по кабинетам, собрать всё ненужное, что осталось от предыдущих акций и кампаний, и вручить победителям пока ещё не объявленного конкурса.

Наташа занесла руку над телефонным аппаратом, чтобы набрать номер продюсера молодой подающей надежды девчачьей группы, но вовремя вспомнила, что изготовление афиш и билетов будет оплачивать заказчик – то есть агентство «Прямой и Весёлый». Произвела перерасчет наличности. Сумма гипотетического гонорара уменьшилась вдвое. Нечего было и думать нанять за эти деньги кого-то со стороны. Пришлось пренебречь Правилом Натальи Ермолаевой №1: «Не экономь казённые средства за счет друзей, расплачиваться придётся или собой, или дружбой».

Снусмумра, старинная подруга, с которой они когда-то бесплатно просачивались на самые модные концерты, теперь концертировала сама. Правда, в ресторане, где обычно приходилось петь хиты на заказ, а не что-то своё, но она вроде бы не жаловалась. Да и как бы она пожаловалась – Наташа несколько лет с нею почти не общалась.

«Это даже не будет нарушением правила, – успокаивала себя она. – Во-первых, мы давно уже не дружим. Во-вторых, это мне экономия, а Снусмумре – подспорье... Давай, оправдывай себя, неудачница. Следующий пункт – Кэт и Мара на подтанцовке, да? Потому что им полезно вылезти из-за компа и поразмяться, ради их же блага».

Снусмумра согласилась встретиться и обсудить детали в любой день.

– Отлично! – обрадовалась Наташа. – Сэкономишь мне массу времени. Приезжай к нам в офис, я тебе выпишу пропуск. Это на «Таганской». Агентство «Прямой и Весёлый». Адрес...

– «Прямой и Весёлый»? Не поеду. Я там была в прошлом году, кой-чего передавала. Не, не поеду. У вас там какая-то зачумлённая атмосфера.

– Надо же! – растерялась Наташа. – Тогда скажи, где атмосфера для тебя достаточно расчумлённая.

– В лесу, в поле. Садись на «Савёловском» в электричку и чешешь в объятья ласковой природы. Самое оно. Или вот в Строгино можно затусить на берегу озера. Ну ладно, ладно. Назначай встречу где хочешь. Только я без средств ваще, если кабак – платишь ты.

Во время этого разговора Наташа нервно перебирала ненужные визитки. И неожиданно обнаружила среди них купон на бесплатный ланч на два лица, который ей вручили на открытии кафе «Кантон».

Это было очень кстати. Так она хотя бы не поступится Правилем Натальи Ермолаевой №2: «Никогда не трать свои деньги на деловых встречах!»

Кафе «Кантон» располагалось на Страстном бульваре, неподалёку от выхода из метро «Чеховская». Несмотря на то что наступила осень, веранду разбирать не спешили, оставили как память о летних вечерах, кувшинах домашнего лимонада, вазочках с имбирным печеньем и надеждах на то, что некая случайная встреча перерастёт во что-то большее. Только теперь вместо столиков под тентом стояли садовые скамейки, на которых курили или разговаривали по телефону посетители. В центре раскинулась клумба с поздними цветами. Уже в конце ноября на месте этой клумбы появится ёлка, украшенная гирляндами, игрушками и шариками, и в «Кантон» захочется переехать навсегда, или хотя бы до наступления весны.

Наташа вошла в кафе, и словно очутилась в кукольном домике. Розовые в белую полоску обои на стенах. Светло-зеленые кашпо в виде леек. Деревянные полки, на которых стоят чайные сервизы, фарфоровые пастушки и оловянные солдатики, сидят тряпичные куклы и плюшевые медведи. Ей даже захотелось пригнуться, чтобы не пробить головой потолок, но потолок был высоко. И под потолком витал запах горячего шоколада с корицей, домашних сливок и имбирных пряников.

Наташа огляделась и выбрала маленький столик у окна, с видом на клумбу и Страстной бульвар. Так она сразу заметит Снусмумру, которая, скорее всего, опоздает. Даже зная об этой особенности старой подруги, она решила не изменять правилу Натальи Ермолаевой №3: «Всегда приходи заранее на любую встречу. Так ты успеешь собраться с мыслями, а собеседник решит, что он опоздал, и захочет как-то искупить вину. Тут и вей из него верёвки!»

Вить верёвки она, конечно, не будет. Зато успеет насладиться бизнес-ланчем в этой уютной, сказочной обстановке.

Кафе «Кантон» открылось позапрошлой весной, и его сразу облюбовала деловая городская молодёжь. А небольшие мобильные компании в нём и вовсе прописались. Над самым дальним столиком гордо реял флажок с надписью «Группа хорошего настроения». Под флажком сидели весёлые парни и девушки самого божественного вида. Казалось, они просто так собрались здесь, а ноутбуки достали потому, что жить без них не могут. Но иногда кто-то из них поднимался из-за стола, говорил: «Сорри, у меня встреча», и уходил за свободный столик, где его ждал клиент. А возвращался, уже поигрывая подписанным договором. Сидя в кафе «Кантон», «Группа хорошего настроения» зарабатывала миллионы. Были здесь и другие счастливчики, сменившие неудобные холодные пространства открытых офисов на сказочные декорации.

Кафе напоминало маленькое государство где-то в горах, такое маленькое, что все его жители помещаются в небольшом обеденном зале. Днём они здесь живут и работают, а вечером расходятся по своим домам, крошечным уютным домикам на склоне горы. Кажется, сотрудники небольших мобильных компаний верили в это.

По тротуару за окном ходили люди. Разные люди – богатые и бедные, красивые и не очень, злые и весёлые. Некоторые заглядывали в витрину кафе «Кантон». Кто-то присаживался на веранде, чтобы отдохнуть или поговорить по телефону. Но жители государства, окутанного запахом кофе со специями и шоколада с домашними сливками, словно не видели чужаков.

Мимо Наташи прошёл официант с подносом, на котором лежали две стопки документов.

– Ваши ксерокопии, – сказал он сутулому молодому человеку в дорогом английском костюме.

– Запишите на мой счет, – не отрываясь от айфона, кивнул тот.

Наташа открыла меню – медленно и бережно, как будто это была детская книжка с объёмными картинками. Голова закружилась от имбирей, марципанов, леденцов и кардамонов, входящих в состав пирожных, напитков и даже обеденных блюд. Отдельным пунктом значилась «Техническая поддержка». Ксерокс. Сканер. Подключение к Интернету. Услуги системного администратора. Секретарь. Дозвон по любому номеру в кратчайшие сроки. Подзарядка любых гаджетов – бесплатно. В углу, рядом с дверью, ведущей в туалетные комнаты, стоял чёрный ящик с надписью «База мобильных телефонов». Из «базы», как щупальца, выглядывали шнуры с разъёмами, подходящими к любым моделям мобильных устройств.

– Вы знаете, у нас сегодня, только для своих, небольшая ярмарка рукоделий, – доверительно шепнула Наташе официантка. – Вон в той витрине, можно выбрать подарок себе или кому-то из близких.

Наташа посмотрела в указанном направлении. Войлок, стекло, самодельное мыло, бусы и серьги. Всё такое миленькое, совсем как настоящее. Но ведь эти люди выходят на улицу и должны понимать, что им не удастся скрыться от реальности под сенью доброй сказки, которую они рассказывают друг другу.

– Здорово, клюшка! – гаркнула над ухом Снусмумра. – Что, не ждали?

– Да как же не ждали? Сiju тут и жду тебя. А моё время денег вообще-то стоит.

– Попытка интонационной манипуляции собеседником засчитана! – констатировала старая подруга. – Здорово они тебя натаскали. Поэтому сначала поедим, а потом – о делах. А то у тебя такие обертона появились, от которых у меня может случиться расстройство желудка.

– Мне, значит, совсем молчать? – уточнила Наташа.

– Не, говорить можно. Но только не о делах, – разрешила Снусмумра, а потом гаркнула на весь «Кантон»:

– Девушка, милая, принесите мне меню, пожалуйста, будьте так любезны, спасибо!

Официантки засмеялись и принесли ей сразу три меню – на выбор.

Снусмумра ничуть не изменилась. Только одежда стала чуть более антикварной, да черты лица заострились, но ей это даже шло. Большие серые глаза, коротко стриженные тёмные волосы, коренастая фигура, нагловатая уверенность. Внешне – полная противоположность Рыбе, однако есть в них что-то общее. Какая-то разумная основательность, как у главы семейства на старинной фотографии.

Когда Снусмумра расправилась с обедом, и пришло время говорить о делах, выяснилось, что «здесь царит такая душевная тональность», поэтому «обманывайте меня, грабьте, люди добрые, я согласная на всё».

– Пятьсот рублей. Примерно десять песен на разогреве, – тут же сказала Наташа.

– Ермолаева! В какой меняльной лавке тебя научили так вульгарно торговаться? Это ж мне надо встать с дивана, подготовиться. Гитару, опять же, на своём горбу переть. Там настройка. Целый вечер пропадает. Давай две тысячи.

«Две пишем, три в уме – может и хватит на подарки», – отметила про себя Наташа, и как бы нехотя согласилась.

Снусмумра ухмыльнулась и объявила, что желает угостить Наташу кофе – в счет этих двух тысяч.

– Ты просто сейчас заплати, а потом вычтем из моего гонорара, идёт? Ну? Идёт?

Правило Натальи Ермолаевой №4 гласило: «Не выгадывай на мелочах, особенно на деловых переговорах – это унижительно».

– Да ладно, что уж. Плачу сегодня я, – ответила она и снова попросила меню.

– А поужинаю на работе, – потянулась Снусмумра. Мелькнула заплатка – совсем не художественная, поставленная на жилетку не для красоты, а потому, что нет денег на новую жилетку. У Наташи сжалось сердце.

– Но ты ведь ВГИК окончила! – воскликнула она. – Почему бы тебе не устроиться сценаристом? Стихи сочинять – это, конечно, хорошо. И песни петь – тоже хорошо. Но сценаристом, по-моему, всё же лучше быть, м?

– Это кому кем повезёт родиться, – спокойно ответила Снусмумра. – Сценарист просыпается утром и говорит себе: «Всё не так уж плохо в моей жизни сложилось. Я мог бы родиться драматургом. За сценарии платят получше, чем за пьесы». Драматург просыпается и говорит: «Всё не так плохо. Я мог бы родиться прозаиком. Кто сейчас читает прозу? А мои пьесы читают хотя бы те, кто в них задействован». Прозаик просыпается и думает: «Всё не так плохо. Я мог бы родиться поэтом. Поэтов не только не читают, их даже не печатают!» Поэт просыпается и думает: «Всё не так плохо. Я родился поэтом. А мог бы вообще не родиться».

– Это притча, да? Я не понимаю притчи. Я люблю, когда говорят прямо. Ты ведь нормальная! Не спилась и не сторчалась. Не катишься по наклонной. Просто у тебя – неудачная полоса в жизни. Ты можешь преподавать! Ты можешь поискать другую работу! Попробовать пробиться!

– Могу, но не хочу. Я целыми днями гуляю по улицам. Вечером прихожу в кабак, ужинаю, лабаю. Ещё раз ужинаю. Иду по ночным улицам. До следующего вечера вся Москва в моём распоряжении.

– Это сейчас. А что будет дальше? Подумай о старости! Посмотри на себя! Ты как будто в театральной костюмерной одеваешься.

– Что в этом плохого?

– Ты странно выглядишь. Ты не можешь посидеть в кафе. Не можешь поехать за границу. Ты очень многого не можешь.

– Я очень многое могу. На самом деле. Смотри-ка, какое гармоничное сегодня солнце. Греет как весной. Бабье лето, бабье лето? Может, погуляем, чем сидеть тут? Пару часиков прошвырнёмся по дворам, я тебе покажу кой-чего.

– Я не могу позволить себе такое – уйти на два часа гулять, когда рабочий день в разгаре. Моё время стоит очень дорого.

– Ну, тогда ладно. Тогда я одна пойду. Мы же договорились? Я железно у вас на разогреве. Не буду больше тратить твоё дорогостоящее время.

Снусмумра вскочила с места, залпом допила кофе, помахала рукой официанткам и умчалась. Наташа попросила счет. Купон на бесплатный ланч, по счастью, был ещё действителен.

«На самом деле не всё моё время стоит дорого, – подумала она. – Дорого стоит только рабочее время, те часы, которые я провожу в офисе или на встречах. А вот мои вечера не стоят ни копейки. Можно тратить их на что попало. Бросать с моста в воду, например. Чаще всего именно так я и поступаю».

Уже собираясь уходить, она заметила в витрине, среди прочих рукоделий, одинокую синюю рыбку – стеклянную рыбку, которой было душно и тесно рядом с войлочными зайцами.

Наташа взяла рыбку в руки и поняла, что больше никому её не отдаст.

– Посчитайте мне ещё вот это, – сказала она, подходя к кассе.

– Это я сам сделал! – похвалился кассир, высокий рыжий парень с тремя серёжками в носу.

– Надо же, какой вы талантливый!

– Мы тут все такие, – он скромно поклонился и указал на витрину. – Все эти штуковины наши делают. Вы в конце декабря приходите, будет типа Рождественский базар.

Правило Натальи Ермолаевой №5 гласило: «Даже из вежливости не обещай то, чего не сможешь сделать».

– Вряд ли получится вырваться, в конце года будет много работы, – сказала она. – А рыбка очень хорошая.

– Вы уж любите её как следует! – напутствовал кассир. – Это особое хордовое. Оно мне один раз приснилось. А потом я неделю ничего делать не мог, пока его не смастерил.

Глава одиннадцатая. Мир изменился за ночь

Вечернее метро. Пассажиры едва теплятся. Утром они ещё спят, вечером – уже спят. «Определённо, на кольцевой линии пора пускать поезда со спальными вагонами, – подумала Наташа. – Оплата при выходе. Сколько спал – столько и платишь. Плацкартные вагоны, купейные. Вагоны–люкс. Вагоны экстра-люкс. Вагон-ресторан. Вагон-магазин. Тогда метро придётся сделать круглосуточным. Круглосуточный вход на кольцевую линию. Опоздал домой, некуда идти, поссорился с домашними – спускаешься в метро, садишься в свободный спальный вагон, ложишься спать. Утро вечера мудренее. Просыпаешься, принимаешь решение, выходишь там, где тебе удобно, делаешь пересадку».

Наташе не нужен спальный вагон, она давно для себя всё решила: дома её ждёт ужин, чай, душ. Спокойный сон. И, если повезёт, – встреча с Рыбой. Должно быть, сегодня ему опять не удалось пробиться к ней сквозь совещания и переговоры за закрытыми дверями. Когда уже закончится эта говорильня, и можно будет нормально поработать хотя бы два дня подряд?

Открылись двери, закрылись двери. Следующая станция – «Парк Культуры».

В вагон набились туристы из Южной Америки в разноцветных пончо и сотрудники московского метрополитена в оранжевых жилетах. Все как на подбор – низкорослые крепыши. Наташа всегда несколько возвышалась над средним уровнем пассажиров, а тут и вовсе выглядела корабельной сосной в зарослях черничника. Туристы посмотрели на неё с уважением. Работники метрополитена вцепились в поручни и друг в друга, не глядя по сторонам: очень устали за день.

Головы, головы, головы – мерно покачиваются в такт перестуку колёс, как подсолнухи на ветру. Наташа взглянула вверх всех этих голов – стриженных, лысых, бритых, аккуратно причесанных, разлохматившихся, седых, повязанных платками, с надвинутыми на глаза кепками, в шляпах, банданах, заколках, с непрокрашенными корнями, с перхотью, дредами, афрокосами, с мелированием, тонированием и колорированием... и увидела его. Рыба стоял в противоположном конце вагона, сложив на груди руки и прислонившись спиной к стенке, и смотрел на Наташу так, словно их не разделяло море людских голов.

Они вышли на «Парке Культуры» и перешли на Сокольническую линию. Если разделить путь на двоих – он будет в два раза короче. Это невозможно объяснить с помощью математики, но это – так. Наташа и Рыба не успели обменяться и парой слов, как поезд прибыл на станцию «Спортивная», и вот уже эскалатор везёт их вверх.

– А у вас есть метро? – спросила Наташа.

– Подземные поезда? Да, в срединных и в индустриальных городах без них просто не обойтись. От города к городу тянутся подземные тоннели. Но в столице общественный транспорт запрещён. Только частный.

– Интере-есная у вас столица, – протянула Наташа.

– У вас, наверное, тоже.

– Наверное. Ты как раз в ней сейчас находишься.

Они вышли на поверхность. Рыба с сомнением огляделся по сторонам: ларьки с горячими пирожками, из припаркованного на противоположной стороне улицы автомобиля доносится громкая музыка. Прислонившись к фонарю, стоит и курит человек в кожаной куртке, купленной в начале девяностых. У человека мутные глаза и салые волосы.

– У вас была война? Эпидемия? – спросил Рыба.

– Всё у нас бывало. Давно. А теперь у нас – стабильность! – отчеканила Наташа.

– Но почему людей совсем нет?

Мимо прошагали три крепыша с баулами, помеченными значком клуба «Динамо».

– А это что – не люди, по-твоему? – указала на них Наташа.

Рыба посмотрел им вслед, недоверчиво оглядел улицу и добавил:

– И вагоны поездов совсем пустые. Я ещё подумал – зачем они нужны, если никто ими не пользуется?

Человек в куртке из девяностых оторвался от опоры и неуверенным шагом, с лёгким ускорением, чуть кренясь на левый бок, двинулся ко входу в метро. Наткнулся на Рыбу, с недоумением глядевшего на пустую площадь, тяжело, безыскусно выругался, злобно уставившись при этом на Наташу, и пошел себе прочь.

– Хорош! – крикнула она ему вслед. Но кренящемуся человеку было некогда отвечать: он уже сражался с коварной дверью, ведущей в тёплое метро.

– Хорош? – повторил Рыба. – Это какое-то имя?

– Практически. Вон, видишь, пошел – типичный Хорош.

Рыба взглянул в указанном направлении, беспомощно моргнул и перевёл взгляд на Наташу, как бы требуя объяснений.

– Так ты не видишь никого, кроме меня? – догадалась она. – Значит, они тебе просто не снятся!

– Иногда я всё-таки вижу кого-то ещё! – запротестовал Рыба.

– Иногда не считается! Я тоже иногда засыпаю к тебе и оказываюсь на пустых улицах. Не может же так быть, чтоб они совсем были пустые? В вашей-то столице?

– Не может. Тогда нам нужно придумать какой-то знак. Знак «Внимание. Ты не видишь человека, а он есть». И другой знак – «Человек, которого ты не видишь, обращается к тебе».

– Давай-ка зайдём в кафе и придумаем все эти знаки там, а то я от голода ничего не соображаю уже. Так давно обедала, а после этого было столько беготни и нервотрёпки. Иди за мной и делай, как я. Вон там, смотри, в сером доме с квадратными лоджиями есть неплохая едальня. Дома ты хотя бы видишь?

– Вижу. Прекрасный серый дом.

– Ну, а ещё что ты видишь?

Рыба огляделся по сторонам и начал перечислять:

– Фонари вижу. Штапованные частные автомобили. Лавки с пирогами. Деревья. Стену из красных камней...

– Отлично. Значит, не споткнёшься. И ещё вот что. Можно, при других я буду звать тебя не Рыба, а Роберт?

– А ты уверена, что другие меня видят?

– Ни к чему такие сложности на голодный желудок. Короче, договорились. Ты – Роберт.

Наташа так хотела есть, что даже не подумала о том, что Роберту Рыбе куда интереснее было бы рассматривать интерьеры какого-нибудь уникального заведения на Большой Пироговской, и притащила его в сетевую кофейню.

Скорее, скорее. Она уже выбрала сэндвич с курицей и кофе, но очередь двигалась ужасно медленно. Влюблённые подростки глядели друг на друга, а не в меню, и всё путали, а потом рылись по карманам в поисках мелочи, чтобы расплатиться по счету. Такие милые. Но как же хочется есть! Перед Наташей остался только один человек. Он держал наготове деньги без сдачи, он точно знал, чего хочет.

– Кофе чёрный. Круассан с сыром, – скрипучим голосом сказал человек без сдачи.

– Вам кофе с молочком? – улыбнулась девушка за стойкой.

– С каким молочком? – взорвался посетитель. – Косметическим?

– Простите? – округлила глаза девушка

– В кофе добавляют не молочко, а молоко! К вашему сведению! – брызжа слюной, сообщил человек без сдачи. – Грамотеи! Ещё скажите, что кофе у вас среднего рода!

– Нет, не среднего. Высшего. Наше кофе – самого высшего рода! Только что из Бразилии. Что-нибудь желаете на десерт?

– Ломтик Розенталя!

– Розенталя, к сожалению, не завезли. Может быть, чизкейк?

Наташа отвернулась, чтобы скрыть улыбку, обнаружила, что Рыба с интересом разглядывает интерьеры, и спросила у него:

– А ты будешь что-нибудь?

Рыба сделал рукой отрицательный жест. Зато ответила стоявшая за ним дама:

– Разве мы знакомы?

– Нет, не знакомы. Это я у него спрашиваю, – пояснила Наташа, кивая в сторону Рыбы.

– Тут никого нет, – тихо сказала дама. – Только вы, я и любитель Розенталя!

– А... И правда... Извините, так устала на работе, – Наташа достала из кармана синюю стеклянную рыбку, купленную в кафе «Кантон». – Это мой талисман. Я с ним иногда разговариваю.

– У меня тоже есть талисман, – понимающе улыбнулась дама и указала на брошку с изображением крупного чёрного кота, приколотую к воротнику пальто.

Любитель Розенталя наконец расплатился и, ворча, удалился за дальний столик в углу, за колонной – «места для поцелуев и мизантропов», как называла его Наташа.

– Сэндвич и кофе с собой, – быстро сказала она, расплатилась и поскорее вытащила Рыбу на улицу.

– Старинное заведение – и так хорошо сохранилось! – восхищённо произнёс он. – У нас, к сожалению, подобные давно уже канули в небытие. А это что? Какое странное... Что это?

Он с удивлением глядел на «талисман», который Наташа прижимала к пакету с кофе и сэндвичем.

– Это и есть рыба! То, что в нашем мире зовут рыбой. Она плавает в воде, у неё есть хвост – вот, это хвост. И плавники – это плавники, вот и вот, и сверху ещё. Рыба дышит жабрами, видишь – жаберные дуги? Поэтому ей под водой очень хорошо живётся. А на суше она засыпает. В смысле – умирает. У рыбы есть чешуя. Ну, милый Роберт, что ещё ты хочешь узнать о рыбах?

«Милый Роберт» взял в руки хрупкую синюю игрушку, медленно провёл пальцем по контуру, словно запоминая, как выглядят его тёзки. Потом вернул Наташе «талисман» и с любопытством спросил:

– Ты разговаривала с кем-то. Этот человек видел меня или нет?

– Нет, не видел. Ты такой стоишь, смотришь по сторонам, я такая спрашиваю: «Есть будешь что-нибудь?», а ты продолжаешь смотреть, а тётя, которая стоит за тобой, говорит мне: «Тут вообще-то кроме нас с вами никого нет, а я вас не знаю!» Смешно, скажи? Ай, ладно! Пошли просто гулять, у нас очень красивый район! Например, вот это здание, на первом этаже которого граждане экскурсанты могут видеть пункт обслуживания мобильных телефонов, построено в стиле конструктивизм в двадцатых годах прошлого века.

Влюблённые подростки выкатились из кафе и с удивлением уставились на молодую женщину, которая, стоя посреди тротуара, проводила экскурсию для воображаемых туристов.

– Так, меня, кажется, приняли за сумасшедшую, – констатировала Наташа.

Подростки припустили вниз по улице. Наташа вручила Рыбе свёрток с кофе и сэндвичем, нырнула в пункт обслуживания мобильных телефонов, и вскоре вернулась с новенькой гарнитурой в руках. Вставила наушник в ухо, проводок спрятала в карман и объявила:

– Теперь мы можем спокойно болтать и ни о чём не беспокоиться. Все будут думать, что я говорю по телефону. И давай уже сюда мою еду!

Они шли в сторону набережной по улице 10-летия Октября. «Интересно, как объяснить Рыбе это название? – задумалась Наташа. – Эта улица названа в честь того далёкого времени,

когда мир был ещё юн, и месяц Октябрь справлял свой десятый юбилей. Остальные месяцы пришли к нему с подарками. Старшие, особенно Январь, которому скоро должно было исполниться одиннадцать, смотрели свысока. А Ноябрь с Декабрём, ещё девятилетние, стояли чуть поодаль, смущаясь».

Но Рыба не интересовался названиями, он внимательно глядел по сторонам и отпускал сдержанные похвалы в адрес некоторых зданий. Пахло бензином и опавшими листьями. Вдали светился габаритными огнями комплекс «Москва-Сити».

И вдруг Рыба увидел Новодевичий монастырь, плывущий по укрытому сумерками скверу, над озером, над деревьями, над людьми и их короткими жизненными путями.

– Работа художника, – прошептал он, опускаясь на скамейку рядом с рестораном «У Пиромани». – Прекрасен мир, в котором художники творят здания. У нас этим занимаются только мастера.

– Ну, у нас тоже мастера дома строят, – сказала Наташа и села рядом. – А художники картины рисуют.

Рыба удивлённо моргнул, заправил за ухо давно выбившуюся прядь. Видимо, последняя реплика привела его в замешательство.

– Наверное, опять недопонимание, – догадалась Наташа, – как в случае с рыбой.

Она выкинула в урну картонку из-под кофе, достала из кармана «талисман», погладила по чешуйчатой спинке.

Рыба, прищурившись, безмолвно любовался громадой монастыря. Стихли голоса, замедлилось движение транспорта. Только на противоположном берегу, на Бережковской набережной, копошилась огромная светящаяся масса, состоящая из сотен автомобилей, угодивших в пробку. Наконец Рыба нарушил молчание:

– Давай попробуем так. Мастера – это такие как я. Мы умеем делать что-то, что украшает жизнь. Мы делаем это на заказ. Получаем взамен деньги. Часто – живём в столице. Иного мастера с первого взгляда не отличишь от аристократа. Художники другие. Они не понимают и не ценят роскошь. Нет, это не главное, я сейчас попробую с начала... Художники всегда существуют на границе осязаемого мира и мира... Прости, я не знаю, как объяснить, сам я не художник. Словом, того мира, где танцуют духи. У художника всегда такой взгляд. Ну, как будто он смотрит внутрь себя, и при этом видит сразу весь обитаемый мир, но немного со стороны, понимаешь? Он в мире есть, но как будто его здесь нет, и весь мир – у него внутри. То, что создал художник, иногда может повторить искусный мастер – но это всегда повторение. Художники не повторяются. Их творения принадлежат всему миру. И они никогда не берут плату за свой труд.

– Как же они, бедные, живут? На что? – пожалела Наташа незнакомых художников из своих снов.

– Их берегут и кормят те, кто рядом с ними. Им открыты все дома и все двери. Большая честь – если художник разделит трапезу с обычной семьёй. Художникам очень тяжело соединять зримый мир и незримый. Тот, кто хоть как-то помог художнику, чувствует на своём лице дыхание этого незримого мира.

– А, поняла! Художники – это ваши шаманы. Это какой-то особый лар? А они главнее аристократов?

– Художник – совершенно особый, самый низший и самый высший лар. Никто по доброй воле не хотел бы стать художником. При этом всякий мечтает хотя бы на минуту оказаться рядом с одним из них.

– А ты никогда не хотел быть художником? Лепить то, что натамцевали духи?

– Нет, – без колебаний ответил Рыба, – тогда пришлось бы жить в какой-нибудь дыре, возможно, даже на окраине, среди безродных. Не курить, не пить кофе и ячменную настойку.

Не валяться на тахте в своё удовольствие. А только бродить по границе и прислушиваться к голосам духов. А ещё художники... как бы это сказать... не могут создавать семьи.

– Им запрещено?

– Как же можно запретить семью? Они просто ... я не знаю... наверное, не видят эту возможность. Как я не вижу людей, которые нас окружают. Ведь сейчас вокруг много людей?

– Нет. Сейчас – никого.

– А вон те двое, что пируют на веранде? – Рыба указал наверх. – Я всё-таки кого-то вижу.

– Это манекены. Куклы. Они не настоящие люди. Их сделали... мастера какие-нибудь, чтоб привлекать внимание к ресторану.

Рыба вернулся к созерцанию Новодевичьего монастыря. Наташа попыталась представить себе жизнь шаманов, бродящих по границе миров на голодный желудок. И тут начался дождь. Сначала он примерялся, редкими каплями намечая контуры, но вскоре припустил вовсю.

– Чувствуешь дождь? – спросила Наташа. Зонтика у неё с собой, конечно, не было.

– Ч-чувствую, – дрожа, ответил Рыба. – Чтоб его ветром унесло!

– Да, было бы неплохо, – согласилась Наташа. – Бежим скорее ко мне!

Они свернули во двор и помчались по асфальту, наперегонки с дождевыми струями. Старушки на скамейке запасных закутались в полиэтиленовые плащи и наблюдательный пункт покидать не спешили.

– Гляди-ка, старшая Ермолаевых никак со свиданки бежит!

И как они всё замечают?

Наташа обернулась к Рыбе, чтобы сказать ему об этом, но обнаружила, что он уже не бежит рядом с нею по лужам. Должно быть, окончательно вымок и проснулся. Ну, ничего. Скоро они увидятся вновь.

Наташа распахнула дверь подъезда и, не сбавляя ходу, кинулась к лифту. Скорее домой, там душ – и постель.

Оказаться между сбывшимся и предвкушаемым – особое удовольствие. Наташа лежала в кровати, чувствуя, как сон постепенно накрывает её кружевным одеялом, набитым перьями горного кота. Барабанил по подоконнику дождь.

Потом дождь затих. Наташа стояла посреди просторного светлого помещения. Свет лился откуда-то сверху. Видимо, в потолок были вмонтированы невидимые простым глазом осветительные приборы. В углу, на широком матрасе, сидел Рыба, закутанный в некое подобие оранжевой махровой тоги. Вокруг в беспорядке валялись подушки, думочки, простыни, покрывала. Одеяло, набитое перьями горного кота, лежало как-то небрежно, наискосок.

– Ты так внезапно проснулся! – сказала Наташа.

– Ты тоже всегда просыпаешься внезапно, – был ответ, – а я дёрнул во сне за скатерть и перевернул на себя кувшин с водой. Весь промок и проснулся от холода. Достал согревающий осушитель, чтоб его ветром унесло. Осушитель заклинило, среднее покрывало вспыхнуло, теперь надо после работы идти к мастеру, заказывать новое.

– А что, без этого покрывала совсем нельзя спать?

– Можно. Но неприлично. Я же не безродный житель окраины, чтобы довольствоваться только подушкой и одеялом, набитыми чем попало.

Наташа огляделась: кроме матраса и треугольного столика о пяти ногах (видимо, с него-то и свалился злополучный кувшин с водой), в комнате не было никакой мебели. Только на стенах висели сине-золотые узорчатые вышивки, заключённые в тяжёлые фарфоровые рамы.

– Это твоя спальня? А почему нет окон? Или они заклеены плёнкой, которая отражает небо?

– Я же не потомственный аристократ, чтобы жить на поверхности, – непонятно ответил Рыба. – Хочешь, покажу тебе своё жильё? Сейчас мы находимся в комнате для сна – у меня их всего две.

– Чего так мало-то – две? – насмешливо спросила Наташа.

– Обязательный минимум – для чётных дней и для нечётных. Не люблю излишеств.

За одной из узорчатых вышивок скрывалась дверь. Из спальни комнаты для чётных дней вниз вела винтовая лестница. Везде было светло, как днём: но светильников не было видно.

Рыба показал Наташе библиотеку, видеотеку и музыкальную гостиную, три кухни, комнату для умывания, комнату для длительных водных процедур, туалет (почему-то только один), что-то вроде спортзала с развешанными по стенам орудиями пыток, комнату для отдыха с друзьями, комнату для приёмов.

Последняя была задрапирована тяжелым синим материалом, похожим на бархат, у стен стояли деревянные резные диванчики с жесткими спинками. Рядом с каждым диванчиком – чугунная пепельница в виде цветочного бутона.

– Давай-ка здесь и остановимся, – попросила Наташа. – Я уже устала запоминать, где у тебя что. Но окон-то почему нет нигде? Неужели в вашем жутком кастовом обществе окна полагаются только аристократам?

– Мы же под землёй, – пожал плечами Рыба. – Окна не имеют смысла.

– Почему – под землёй? – вдруг испугалась Наташа. Огляделась по сторонам. Дверь, через которую они вошли в комнату для приёмов, скрывала драпировка. «Погребённые во сне. Навсегда, – обреченно подумала она. – Сейчас он скажет, что это не сон, а загробный мир. И что отсюда нет выхода».

Уловив тревогу в её голосе, Рыба заверил Наташу, что на поверхность можно выйти в любую минуту – стоит только захотеть. А подземные жилища – решение простое и практичное, странно, что не во всех мирах ещё до такого додумались.

По закону количество домов в столице Просвещенной Империи всегда должно быть одинаковым. При этом они не могут возвышаться над землёй более чем на пять этажей. Но столичные жители – люди особого сорта. Им предписано жить в просторных квартирах, не менее установленного размера. Это тоже закон. Поэтому уже несколько сотен лет город незаметно растёт вглубь. Никто не знает, сколько этажей можно обнаружить под тем или иным симпатичным домиком, построенным около тысячи лет назад.

– Интересная у вас жизнь, – покачала головой Наташа. – А зачем в твоём бункере чуть ли не в каждой комнате тахта? Это тоже такое правило?

– Нет, это я сам. Если захочется прилечь и подумать, я прилягу там, где настигла меня мысль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.